

Стихотворения. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения. Иван Алексеевич Бунин

ДЕРЕВЕНСКИЙ НИЩИЙ
(Первое напечатанное стихотворение)

В стороне от дороги, под дубом,
Под лучами палящими спит
В зипунишке, заштопанном грубо,
Старый нищий, седой инвалид;
Изнемог он от дальней дороги
И прилег под межей отдохнуть...
Солнце жжет истомленные ноги,
Обнаженную шею и грудь...
Видно, слишком нужда одолела,
Видно, нигде приюта сыскать,
И судьба беспощадно велела
Со слезами по окнам стонать...
Не увидишь такого в столице:
Тут уж впрям истомленный нуждой!
За железной решеткой в темнице
Редко виден страдалец такой.
В долгий век свой немало он силы
За тяжелой работой убил,
Но, должно быть, у края могилы
Уж не стало хватать ему сил.
Он идет из селенья в селенье,
А мольбу чуть лепечет язык,
Смерть близка уж, но много мученья
Перетерпит несчастный старик.
Он заснул... А потом со стенаньем
Христа ради проси и проси...
Грустно видеть, ка много страданья
И тоски и нужды на Руси!

1886

Месяц задумчивый, полночь глубокая...

Месяц задумчивый, полночь глубокая...
Хутор в степи одинок...
Дремлет в молчанье равнина широкая,
Тепел ночной ветерок.
Желтые ржи, далеко озаренные,
Морем безбрежным стоят...
Ветер повеет – они, полусонные,
Колосом спелым шуршат.
Ветер повеет – и в тучку скрывается
Полного месяца круг;
Медленно в мягкую тень погружается
Ближнее поле и луг.
Зыблется пепельный сумрак над нивами,
А над далекой межей
Свет из-за тучек бежит переливами –
Яркою, желтой волной.
И сновиденьем, волшебною сказкою
Кажется ночь, – и смущен
Ночи июльской тревожною ласкою
Сладкий предутренний сон...

1886

ПОЭТ

Поэт печальный и суровый,
Бедняк, задавленный нуждой,
Напрасно нищеты оковы
Порвать стремишься ты душой!
Напрасно хочешь ты презреньем
Свои несчастья победить
И, склонный к светлым увлечениям,

Ты хочешь верить и любить!
Нужда еще не раз отравит
Минуты светлых дум и грез,
И позабыть мечты заставит,
И доведет до горьких слез.
Когда ж, измученный скорбями,
Забыв бесплодный, тяжкий труд,
Умрешь ты с голоду, – цветами
Могильный крест твой перевьют!
1886
Как печально, как скоро померкла...

Как печально, как скоро померкла
На закате заря! Погляди:
Уж за ближней межою по жнивью
Ничего не видать впереди.
Далеко по широкой равнине
Сумрак ночи осенней разлит;
Лишь на западе сумрачно-алом
Силуэты чуть видны раки.
И ни звука! И сердце томится,
Непонятною грустью полно..
Оттого ль, что ночлег мой далеко,
Оттого ли, что в поле темно?
Оттого ли, что близкая осень
Веет чем-то знакомым, родным –
Молчаливою грустью деревни
И безлюдьем степным?
1886
Шире грудь распахнулась...

Шире грудь распахнулась для принятия
Чувств весенних – минутных гостей!
Ты раскрой мне, природа, объятия,
Чтоб я слился с красою твоей!
Ты, высокое небо, далекое,
Беспредельный простор голубой!
Ты, зеленое поле широкое!
Только к вам я стремлюся душой!
28 марта 1886
ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В блеске огней, за зеркальными стеклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.
Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;
Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей..
Есть на полях моей родины скромные
Сестры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.
Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой,
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.
Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.
1887
В темнеющих полях, как в безграничном море...

В темнеющих полях, как в безграничном море,
Померк и потонул зари печальный свет –
И мягко мрак ночной плывет в ночном просторе

Немой заре вослед.
Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по меже тушкан, таинственно, как дух,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадает вдруг...

1887

НА ПРУДЕ

Ясным утром на тихом пруде
Резво ласточки реют кругом,
Опускаются к самой воде,
Чуть касаются влаги крылом.
На лету они звонко поют,
А вокруг зеленеют луга,
И стоит, словно зеркало, пруд,
Отражая свои берега.
И, как в зеркале, меж тростников,
С берегов опрокинулся лес,
И уходит узор облаков
В глубину отраженных небес.
Облака там нежней и белей,
Глубина – бесконечна, светла...
И доносится мерно с полей
Над водой тихий звон из села.

1887

Серп луны под тучкой длинной...

Серп луны под тучкой длинной
Льет полночный слабый свет.
Над безмолвною долиной –
Темной церкви силуэт.
Серп луны за тучкой тает, –
Проплывая, гаснет он.
С колокольни долетает,
Замирая, сонный звон.
Серп луны в просветы тучи
С грустью тихую глядит,
Под ветвями ив плакучих
Тускло воду золотит.
И в реке, среди глубокой
Предраассветной тишины,
Замирает одинокий
Золотой двойник луны.

1887

ОКтябрьский РАССВЕТ

Ночь побледнела, и месяц садится
За реку красным серпом.
Сонный туман на лугах серебрится,
Черный камыш отсырел и дымится,
Ветер шуршит камышом.
Тишь на деревне. В часовне лампада
Меркнет, устало горя.
В трепетный сумрак озябшего сада
Льется со степи волнами прохлада...
Медленно рдеет заря.

1887

Высоко полный месяц стоит...

Высоко полный месяц стоит
В небесах над туманной землей,
Бледным светом луга серебрит,
Напоенные белою мглой.
В белой мгле, на широких лугах,
На пустынных речных берегах
Только черный засохший камыш
Да верхушки ракии различишь.
И река в берегах чуть видна...

Где-то мельница глухо шумит...
Спит село... Ночь тиха и бледна,
Высоко полный месяц стоит.
1887

Ветер осенний в лесах подымается...

Ветер осенний в лесах подымается,
Шумно по чащам идет,
Мертвые листья срывает и весело
В бешеной пляске несет.
Только замрет, припадет и послушает, –
Снова взмахнет, а за ним
Лес загудит, затрепещет, – и сыплются
Листья дождем золотым.
Веет зимою, морозными вьюгами,
Тучи плывут в небесах...
Пусть же погибнет все мертвое, слабое
И возвратится во прах!
Зимние вьюги – предтечи весенние,
Зимние вьюги должны
Похоронить под снегами холодными
Мертвых к приходу весны.
В темную осень земля укрывается
Желтой листвой, а под ней
Дремлет побегов и трав прозябание,
Сок животворных корней.
Жизнь зарождается в мраке таинственном.
Радость и гибель ея
Служат нетленному и неизменному –
Вечной красе Бытия!
Бледнеет ночь...

Бледнеет ночь... Туманов пелена
В лощинах и лугах становится белее,
Звучнее лес, безжизненной луна
И серебро росы на стеклах холоднее.
Еще усадьба спит... В саду еще темно,
Недвижим тополь матово-зеленый,
И воздух слышен мне в открытое окно,
Весенним ароматом напоенный...
Уж близок день, прошел короткий сон –
И, в доме тишине не нарушая,
Неслышно выхожу из двери на балкон
И тихо светлого восхода ожидаю..
1888

Осыпаются астры в садах...

Осыпаются астры в садах,
Стройный клен под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нем
Показались всюду просветы,
И красив он в уборе своем,
Золотистой листвою одетый.
Но под этой сквозною листвой
В этих чащах не слышно ни звука...
Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!
Поброди же в последние дни
По аллее, давно молчаливой,
И с любовью и с грустью взгляни
На знакомые нивы.
В тишине деревенских ночей
И в молчанье осенней полночи
Вспомни песни, что пел соловей,
Вспомни летние ночи
И подумай, что годы идут,

Что с весной, как минует ненастье,
Нам они не вернут
Обманувшего счастья...
1888
Не пугай меня грозюю..

Не пугай меня грозюю:
Весел грохот вешних бурь!
После бури над землею
Светит радостней лазурь,
После бури, молодея,
В блеске новой красоты,
Ароматней и пышнее
Распускаются цветы!
Но страшит меня ненастье:
Горько думать, что пройдет
Жизнь без горя и без счастья,
В суете дневных забот,
Что увянут жизни силы
Без борьбы и без труда,
Что сырой туман унылый
Солнце скроет навсегда!
1888

Какая теплая и темная заря!..

Какая теплая и темная заря!
Давным-давно закат, чуть тлея, чуть горя,
Померк над сонными весенними полями,
И мягкими на все ложится ночь тенями,
В вечерние мечты, в раздумье погрузив
Все, от затихших рощ до придорожных ив,
И только вдалеке вечерней тьмой не скрыты
На горизонте грустные ракиты.
Над садом облака нахмурившись стоят;
Весенней сыростью наполнен тихий сад;
Над лугом, над прудом, куда ведут аллеи,
Ночные облака немного посветлее,
Но в чаще, где, сокрыв весенние цветы,
Склонились кущами зеленые кусты,
И темь, и теплота...
1888

В полночь выхожу один из дома...

В полночь выхожу один из дома,
Мерзло по земле шаги стучат,
Звездами осыпан черный сад
И на крышах – белая солома:
Трауры полночные лежат.
Ноябрь 1888
Пустыня, грусть в степных просторах...

Пустыня, грусть в степных просторах.
Синеют тучи. Скоро снег.
Леса на дальних косогорах,
Как желто-красный лисий мех.
Под небом низким, синеватым
Вся эта сумрачная ширь
И пестрота лесов по скатам
Угрюмы, дики как Сибирь.
Я перейду луга и доли,
Где серо-сизый, неживой
Осыпался осинник голый
Лимонной мелкою листвою.
Я поднимусь к лесной сторожке –
И с грустью глянут на меня
Ее подслепые окошки
Под вечер сумрачного дня.
Но я увижу на пороге

Дочь молодую лесника:
Малы ее босые ноги,
Мала корявая рука.
От выреза льняной сорочки
Ее плечо еще круглей,
А под сорочкою – две точки
Стоячих девичьих грудей.
1888
Туча растаяла...

Туча растаяла. Влажным теплом
Веет весенняя ночь над селом;
Ветер приносит с полей аромат,
Слабо алеет за степью закат.
Тонкий туман над стемневшей рекой
Лег серебристою нежной фатой,
И за рекою, в неясной тени,
Робко блестят золотые огни.
В тихом саду замолчал соловей;
Падают капли во мраке с ветвей;
Пахнет черемухой...
1888
На поднебесном утесе...

На поднебесном утесе, где бури
Свищут в слепящей лазури, –
Дикий, зловонный орлиный приют.
Пью, как студеную воду,
Горную бурю, свободу,
Вечность, летящую тут.
1889, Крым
В СТЕПИ

Н. Д. Телешову
Вчера в степи я слышал отдаленный
Крик журавлей. И дико и легко
Он прозвенел над тихими полями...
Путь добрый! Им не жаль нас покидать:
И новая цветущая природа,
И новая весна их ожидает
За синими, за теплыми морями,
А к нам идет угрюмая зима:
Засохла степь, лес глохнет и желтеет,
Осенний вечер, тучи нагоняя,
Открыл в кустах звериные лазы,
Листвой засыпал доли и овраги,
И по ночам в их черной темноте,
Под шум деревьев, свечками мерцают,
Таинственно блуждая, волчьи очи...
Да, край родной не радуется теперь!
И все-таки, кочующие птицы,
Не пробуждают зависти во мне
Ваш звонкий крик, и гордый и свободный.
Здесь грустно. Ждем мы сумрачной поры,
Когда в степи седой туман ночует,
Когда во мгле рассвет едва белеет
И лишь бугры чернеют сквозь туман.
Но я люблю, кочующие птицы,
Родные степи. Бедные селенья –
Моя отчизна; я вернулся к ней,
Усталый от скитаний одиноких,
И понял красоту в ее печали
И счастье – в печальной красоте.
Бывают дни: повеет теплым ветром,
Проглянет солнце, ярко озаряя
И лес, и степь, и старую усадьбу,
Пригреет листья влажные в лесу,
Глядишь – и все опять повеселело!

Как хорошо, кочующие птицы,
Тогда у нас! Как весело и грустно
В пустом лесу меж черными ветвями,
Меж золотыми листьями берез
Синеет наше ласковое небо!
Я в эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинников поблекших аромат
И слушая дроздов пролетных крики;
Люблю уйти один на дальний хутор,
Смотреть, как озимь мягко зеленеет,
Как бархатом блестят на солнце пашни,
А вдалеке, на жнивьях золотых,
Стоит туман, прозрачный и лазурный.
Моя весна тогда зовет меня, –
Мечты любви и юности далекой,
Когда я вас, кочующие птицы,
С такою грустью к югу провожал!
Мне вспоминается бывшее счастье,
Былые дни... Но мне не жаль былого:
Я не грущу, как прежде, о былом, –
Оно живет в моем безмолвном сердце,
А мир везде исполнен красоты.
Мне в нем теперь все дорого и близко:
И блеск весны за синими морями,
И северные скудные поля,
И даже то, что уж совсем не может
Вас утешать, кочующие птицы, –
Покорность грустной участи своей!
1889
Не видно птиц...

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.
Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.
А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж – и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.
И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным,
Гудит-поет в стволы ружья.
1889
Седое небо надо мной...

Седое небо надо мной
И лес раскрытый, обнаженный.
Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листве лимонной.
Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья..
Вся молодость моя – скитанья
Да радость одиноких дум!
1889
Как все вокруг сурово, снежно...

Как все вокруг сурово, снежно,
Как этот вечер сиз и хмур!
В морозной мгле краснеют окна нежно
Из деревенских нищенских конур.
Ночь северная медленно и грозно
Возносит косное величие свое.
Как сладко мне во мгле морозной

Мое звериное жильё!

1889

Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...

Как дымкой даль полей закрыв на полчаса,
Прошел внезапный дождь косыми полосами –
И снова глубоко синеют небеса
Над освеженными лесами.
Тепло и влажный блеск. Запахли медом ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в березах у межи,
Беспечно иволги болтают.
И весел звучный лес, и ветер меж берез
Уж веет ласково, а белые березы
Роняют тихий дождь своих алмазных слез
И улыбаются сквозь слезы.

1889

...Зачем и о чем говорить?..

...Зачем и о чем говорить?

Всю душу, с любовью, с мечтами,
Все сердце стараться раскрыть –
И чем же? – одними словами!
И хоть бы в словах-то людских
Не так уж все было избито!
Значенья не сыщете в них,
Значение их позабыто!
Да и кому рассказать?
При искреннем даже желанье
Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страданья!

1889

ДОННИК

Брат, в запыленных сапогах,
Швырнул ко мне на подоконник
Цветок, растущий на парах,
Цветок засухи – желтый донник.
Я встал от книг и в степь пошел..
Ну да, все поле – золотое,
И отовсюду точки пчел
Плывут в сухом вечернем зное.
Толчется сеткой мошкара,
Шафранный свет над полем реет –
И, значит, завтра вновь жара
И вновь сухмень. А хлеб уж зреет.
Да, зреет и грозит нуждой,
Быть может, голодом... И все же
Мне этот донник золотой
На миг всего, всего дороже!
В КОСТЕЛЕ

Гаснет день – и звон тяжелый
В небеса плывет:
С башни старого костела
Колокол зовет.
А в костеле – ожиданье:
Сумрак, гул дверей,
Напряженное молчанье,
Тихий треск свечей.
В блеске их престол чернеет,
Озарен темно:
Высоко над ним желтеет
Узкое окно.
И над всем – Христа распяты:
В диадеме роз,
Скорбно братские объятья
Распростер Христос...

Тишина. И вот, незримо
Унося с земли,
Звонко песня серафима
Разлилась вдали.
Разлилась – и отзвучала:
Заглушил, покрыл
Гром органного хорала
Песнь небесных сил.
Вторит хор ему... Но, Боже!
Отчего и в нем
Та же скорбь и горе то же, –
Мука о земном?
Не во тьме ль венцов остался
День, когда с тоской
Человек, как раб, склонялся
Ниц перед тобой
И сиял зловещей славой
Пред лицом людей
В блеске молнии кровавой
Блеск твоих очей?
Для чего звучит во храме
Снова скорбный стон,
Снова дымными огнями
Лик твой озарен?
И тебе ли мгла куренья,
Холод темноты,
Запах воска. Запах тленья,
Мертвые цветы?
Дивен мир твой! Расцветает
Он, тобой согрет,
В небесах твоих сияет
Солнца вечный свет,
Гимн природы животворный
Льется к небесам...
В ней твой храм нерукотворный,
Твой великий храм!
1889
Под орган душа тоскует...

Под орган душа тоскует,
Плачет и поет.
Торжествует, негодует
Горестно зовет:
О благий и скорбный! Буди
Милостив к земле!
Скудны, нищи, жалки люди
И в добре, и в зле!
О Иисусе, в крестной муке
Преклонивший лик!
Есть святые в сердце звуки, –
Дай для них язык!
В пустом, сквозном чертоге сада...

В пустом, сквозном чертоге сада
Иду, шумя сухой листвой:
Какая странная отрада
Былое попирать ногой!
Какая сладость все, что прежде
Ценил так мало, вспоминать!
Какая боль и грусть – в надежде
Еще одну весну узнать!
РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...
Так сын, спокойный и нахальный,

Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,
Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

В туче, солнце заступающей...

В туче, солнце заступающей,
Прокатился первый гром,
Ангел, радугой сияющий,
Золотым взмахнул крестом –
И сорвался бурей, холодом,
Унося в пыли бурьян,
И помчался шумно, молодо,
Дымным ливнем ураган.

1891

Порыжели холмы. Зноем выжжены...

Порыжели холмы. Зноем выжжены,
И так близко обрывы хребтов,
Поднебесных скалистых хребтов.
На стене нашей глинистой хижины
Уж не пахнет венки из цветов,
Из заветных засохших цветов.
Море все еще в блеске теряется,
Тонет в солнечной светлой пыли:
Что ж так горестно парус склоняется.
Белый парус в далекой дали?
Ты меня позабудешь вдали.
АНГЕЛ

В вечерний час, над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, стезей эфирной,
Вечерний ангел пролетал.
Он видел сумрак предзакатный, –
Уже синел вдали восток, –
И вдруг услышал он невнятный
Во ржах ребенка голосок.
Он шел, колосья собирая,
Сплетал венки и пел в тиши,
И были в песне звуки рая, –
Невинной, неземной души.
«Благослови меньшого брата, –
Сказал Господь. – Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»
И ангел светлою улыбкой
Ребенка тихо осенил
И на закат лучисто-зыбкий
Поднялся в блеске нежных крыл.
И, точно крылья золотые,
Заря пылала в вышине.
И долго очи молодые
За ней следили в тишине!

1891

ТРОИЦА

Гудящий благовест к молитве призывает,
На солнечных лучах над нивами звенит;
Даль заливных лугов в лазури утопает,
И речка на лугах сверкает и горит.
А на селе с утра идет обедня в храме:
Зеленую травой усыпан весь амвон,
Алтарь, сияющий и убранный цветами,

янтарным блеском свеч и солнца озарен.
И звонко хор поет, веселый и нестройный,
И в окна ветерок приносит аромат...
Твой нынче день настал, усталый, кроткий брат,
Весенний праздник твой, и светлый и спокойный!
Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые приношенья:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву – и смиренье.
1893
Ночь идет – и темнеет...

Ночь идет – и темнеет
Бледно-синий восток...
От одежд ее веет
По полям ветерок.
День был долог и зноен...
Ночь идет и поет
Колыбельную песню
И к покою зовет.
Грустен взор ее темный,
Одинок ее путь...
Спи-усни, мое сердце!
Отдохни... Позабудь.
1893
За рекой луга зазеленели...

За рекой луга зазеленели,
Веет легкой свежестью воды;
Веселей по рощам зазвенели
Песни птиц на разные лады.
Ветерок с полей тепло приносит,
Горький дух лозины молодой...
О, весна! Как сердце счастья просит!
Как сладка печаль моя весной!
Кротко солнце листья пригревает
И дорожки мягкие в саду...
Не пойму, что душу раскрывает
И куда я медленно бреду!
Не пойму, кого с тоской люблю я,
Кто мне дорог... И не все ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не верю в счастье уж давно!
Горько мне, что я бесплодно трачу
Чистоту и нежность лучших дней,
Что один я радуюсь и плачу
И не знаю, не люблю людей.
1893
Неуловимый свет разлился над землею

Неуловимый свет разлился над землею,
Над кровлями безмолвного села.
Отчетливей кричат перед зарею
Далеко на степи перепела.
Нет ни души кругом – ни звука, ни тревоги...
Спят безмятежным сном зеленые овсы...
Нахохлясь, кобчик спит на кочке у дороги,
Покрытый пылью матовой росы...
Но уж светлеет даль... Зелено-серебристый,
Неуловимый свет восходит над землей,
И белый пар лугов, холодный и душистый,
Как фимиам, плывет перед зарей.
1894
НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОЙ ПЛИТЕ

Несть, Господи, грехов и злодеяний
Превыше милосердия Твоего!
Рабу земли и суетных желаний

Прости грехи за горести его.
Завет любви хранил я в жизни свято:
Во дни тоски, наперекор уму,
я не питал змею вражды на брата,
я все простил, по слову Твоему.
я, тишину познавший гробовую,
я, воспринявший скорби темноты,
Из недр земных земле благовествую
Глаголы Незакатной Красоты!
ЛИСТОПАД

Лес, точно терем расписной,
лиловый, золотой, багряный,
веселой, пестрою стеной
стоит над светлою поляной.
Березы желтою резьбой
блестят в лазури голубой,
как вышки, елочки темнеют,
а между кленами синеют
то там, то здесь в листве сквозной
просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
за лето высох он от солнца,
и осень тихую вдовую
вступает в пестрый терем свой.
Сегодня на пустой поляне,
среди широкого двора,
воздушной паутины ткани
блестят, как сеть из серебра.
Сегодня целый день играет
в дворе последний мотылек
и, точно белый лепесток,
на паутине замирает,
пригретый солнечным теплом;
сегодня так светло кругом,
такое мертвое молчанье
в лесу и в синей вышине,
что можно в этой тишине
расслышать листика шуршанье.
Лес, точно терем расписной,
лиловый, золотой, багряный,
стоит над солнечной поляной,
завороженный тишиной;
заквохчет дрозд, перелетая
среди подседа, где густая
листва янтарный отблеск льет;
играя, в небе промелькнет
скворцов рассыпанная стая –
и снова все кругом замрет.
Последние мгновенья счастья!
уж знает осень, что такой
глубокий и немой покой –
предвестник долгого ненастья.
глубоко, странно лес молчал
и на заре, когда с заката
пурпурный блеск огня и злата
пожаром терем освещал.
потом угрюмо в нем стемнело.
луна восходит, а в лесу
ложатся тени на росу...
вот стало холодно и бело
среди полян, среди сквозной
осенней чащи помертвелой,
и жутко осени одной
в пустынной тишине ночной.
теперь уж тишина другая:
прислушайся – она растет,
а с нею, бледностью пугая,

И месяц медленно встает.
Все тени сделал он короче,
Прозрачный дым навел на лес
И вот уж смотрит прямо в очи
С туманной высоты небес.
О, мертвый сон осенней ночи!
О, жуткий час ночных чудес!
В серебристом и сыром тумане
Светло и пусто на поляне;
Лес, белым светом залитой,
Своей застывшей красотой
Как будто смерть себе пророчит;
Сова и та молчит: сидит
Да тупо из ветвей глядит,
Порою дико захохочет,
Сорвется с шумом с высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонам, как в изумленье;
А лес стоит в оцепененье,
Наполнен бледной, легкой мглой
И листьев сыростью гнилой...
Не жди: наутро не проглянет
На небе солнце. Дождь и мгла
Холодным дымом лес туманят, –
Недаром эта ночь прошла!
Но Осень затаит глубоко
Все, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрется в тереме своем:
Пусть бор бушует под дождем,
Пусть мрачны и ненастны ночи
И на поляне волчьи очи
Зеленым светятся огнем!
Лес, точно терем без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвою усыпал;
А там зазимок ночью выпал
И таять стал, все умертвив...
Трубят рога в полях далеких,
Звенит их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.
Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо воеет рог туринный,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Льет дождь, холодный, точно лед,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелет.
Но дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,
И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.
Двор пуст и холоден. В ворота,
Среди двух высохших осин,
Видна ей синева долин

И ширь пустынного болота,
Дорога на далекий юг:
Туда от зимних бурь и вьюг,
От зимней стужи и метели
Давно уж птицы улетели;
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направит
И навсегда в пустом бору
Раскрытый терем свой оставит.
Прости же, лес! Прости, прощай,
День будет ласковый, хороший,
И скоро мягкою порошей
Засеребрится мертвый край.
Как будут странны в этот белый,
Пустынный и холодный день
И бор, и терем опустелый,
И крыши тихих деревень,
И небеса, и без границы
В них уходящие поля!
Как будут рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Резвясь и греясь на бегу
В сугробах мягких на лугу!
А там, как буйный пляс шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры из тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу
И завывая в поле зверем.
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом остоле пустом
Повесят инеи сквозные,
И будут в небе голубом
Сиять чертоги ледяные
И хрусталем и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов,
Взойдут огни небесных сводов,
Заблещет звездный щит Стожар –
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар,
Расцвет полярного сиянья.
РОЗЫ

Блистая, облака лепились
В лазури пламенного дня.
Две розы под окном раскрылись –
Две чаши, полные огня.
В окно, в прохладный сумрак дома,
Глядел зеленый знойный сад,
И сена душная истома
Струила сладкий аромат.
Порою, звучный и тяжелый,
Высоко в небе грохотал
Громовый гул... Но пели пчелы,
Звенели мухи – день сиял.
Порою шумно пробегали
Потоки ливней голубых...
Но солнце и лазурь мигали
В зеркально-зыбком блеске их –
И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбались сквозь слезы
Очами, полными огня.
Что в том, что где-то, на далеком...

Что в том, что где-то, на далеком
Морском побережье, валуны
Блестят на солнце мокрым боком

Из набегающей волны?
Не я ли сам, по чьей-то воле,
Вообразил тот край морской,
Осенний ветер, запах соли
и белых чаек шумный рой?
О, сколько их – невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов,
Душою в сладкой думе зримых, –
И что они? И чей в них зов?
1895
Когда на темный город сходит...

Когда на темный город сходит
В глухую ночь глубокий сон,
Когда метель, кружась, заводит
На колокольнях перезвон, –
Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час,
Сквозь вопли бури, долетает
Колоколов невнятный глас!
Мир опустел... Земля остыла...
А вьюга трупы замела,
И ветром звезды загасила,
И бьет во тьме в колокола.
И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится Смерть в весельи диком
И развеивает саван свой!
1895
Ночь наступила, день угас

Ночь наступила, день угас,
Сон и покой – и всей душою
Я покоряюсь в этот час
Ночному кроткому покою.
Как облегченно дышит грудь!
Как нежно сад благоухает!
Как мирно светит и сияет
В далеком небе Млечный Путь!
За все, что пережито днем,
За все, что с болью я скрываю
Глубоко на сердце своем, –
Я никого не обвиняю.
За счастье минут таких,
За светлые воспоминанья
Благословляю каждый миг
Былого счастья и страданья!
1895
РОДИНА

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.
Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.
1896
Христос воскрес!..

Христос воскрес! Опять с зарею
Редееет долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.
Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера

И дышат свежестью ночной;
Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!
Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.
Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов и в глубь долин;
Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!
1896
Счастлив я...

Счастлив я, когда ты голубые
Очи поднимаешь на меня:
Светят в них надежды молодые –
Небеса безоблачного дня.
Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.
Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!
1896
Скачет пристяжная, снегом обдает...

Скачет пристяжная, снегом обдает...
Сонный зимний ветер надо мной поет,
В полусне волнуясь, по полю бежит,
Вместе с колокольчиком жалобно дрожит.
Эй, проснися, ветер! Подыми пургу;
Задымись метелью белою в лугу,
Загуди поземкой, закружись в степи,
Крикни вместо песни: «Постыдись, не спи!»
Безотраден путь мой! Каждый божий день –
Глушь лесов да холод-голод деревень...
Стыдно мне и больно... Только стыд-то мой
Слишком скоро гаснет в тишине немой!
Сонный зимний ветер надо мной поет,
Усыпляет песней, воли не дает,
Путь заносит снегом, по полю бежит,
Вместе с колокольчиком жалобно дрожит...
1897
Я к ней вошел в полночный час...

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала, – луна сияла
В ее окно, – и одеяла
Светился спущенный атлас.
Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, –
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.
1898
Снова сон, пленительный и сладкий...

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит, –
Милый взор зовет меня украдкой,

Ласковой улыбкою манит.
Знаю я – опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне – обмани меня!
1898
Беру твою руку...

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке – все твое бытие,
Я всю тебя чувствую – душу и тело.
Что надо еще? Возможно ль блаженнее быть?
Но ангел мятежный, весь буря и пламя,
Летающий над миром, чтоб смертною страстью губить,
Уж мчится над нами!
1898
НА ДАЛЬНЕМ СЕВЕРЕ

Как небо скучно и уныло,
Так сумрачно вдали,
Как будто время здесь застыло,
Как будто край земли.
Как будто край земли.
Густое чахлое полесье
Стоит среди болот,
А там – угрюмо в поднебесье
Уходит сумрак вод.
Уж ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнет свет.
Немая тишь в глуши сосновой,
Ни звука в море нет.
И звезды тускло, недвижимо
Горят над головой,
Как будто их зажег незримо
Сам ангел гробовой.
1898
И вот опять уж по зарям...

И вот опять уж по зарям
В выси, пустынной и привольной,
Станицы птиц летат к морям,
Чернея цепью треугольной.
Ясна заря, безмолвна степь,
Закат алеет, разгораясь...
И тихо в небе эта цепь
Плывет, размеренно качаясь.
Какая даль и высота!
Глядишь – и бездной голубою
Небес осенних глубина
Как будто тает над тобою.
И обнимает эта даль, –
Душа отдаться ей готова,
И новых, светлых дум печаль
Освобождает от земного.
1898
Звезды ночью весенней нежнее...

Звезды ночью весенней нежнее,
Соловьи осторожней поют...
Я люблю эти темные ночи,
Эти звезды, и клены, и пруд.
Ты, как звезды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всем я ловлю –
В звездном небе, в цветах, в ароматах...
Но тебя я нежнее люблю.
Лишь с тобою одною я счастлив,
И тебя не заменит никто:

Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь – за что!
1898

Все лес и лес. А день темнеет...

Все лес и лес. А день темнеет;
Низы синеют, и трава
Седой росой в лугах белеет...
Проснулась серая сова.
На запад сосны вереницей
Идут, как рать сторожевых,
И солнце мутное Жар-Птицей
Горит в их делях вековых.
1899

Нынче ночью кто-то долго пел...

Нынче ночью кто-то долго пел.
Далеко скитаясь в темном поле,
Голос грустной удалью звенел,
Пел о прошлом счастье и о воле.
Я открыл окно и сел на нем.
Ты спала... Я долго слушал жадно...
С поля пахло рожью и дождем,
Ночь была душиста и прохладна.
Что в душе тот голос пробудил,
Я не знаю... Но душа грустила,
И тебя так нежно я любил,
Как меня когда-то ты любила.
1899

Как светла, как нарядна весна!..

Как светла, как нарядна весна!
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?
Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья, –
Я опять одинок!
1899

Печаль ресниц, сияющих и черных

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, –
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!
Откуда же являешься ты мне?
Зачем же воскресаешь ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?
Еще утро не скоро, не скоро...

Еще утро не скоро, не скоро,
ночь из тихих лесов не ушла.
Под навесами сонного бора –
предрассветная теплая мгла.
Еще ранние птицы не пели,
чуть сереют вверху небеса,
влажно-зелены темные ели,
пахнет летнею хвоей роса.
И пускай не светает подольше.
Этот медленный путь по лесам,
эта ночь – не воротится больше,
но легко пред разлукою нам...

Колокольчик в молчании бора
то замрет, то опять запоет...
Тихо ночь по долинам идет...
Еще утро, не скоро, не скоро.
1900
ДЯДЬКА

За окнами – снега, степная гладь и ширь,
На переплетах рам – следы ночной пурги...
Как тих и скучен дом! Как съежился снегирь
От стужи за окном. – Но вот слуга. Шаги.
По комнатам идет седой костлявый дед,
Несет вечерний чай: «Опять глядишь в углы?
Небось все писем ждешь, депеш да эстафет?
Не жди. Ей не до нас. Теперь в Москве – балы».
Смутясь, глядит барчук на строгие очки,
На седину бровей, на розовую плешь...
– Да нет, старик, я так... Сыграем в дурачки,
Пораньше ляжем спать... Каких уж там депеш!
Как дым, седая мгла мороза...

Как дым, седая мгла мороза
застыла в сумраке ночном.
Как привидение береза
стоит, серея за окном.
Таинственно в углах стемнело,
чуть светит печь, и чья-то тень
над всем простерлася несмело, –
грусть, провожающая день.
Грусть, разлитая на закате
в полупомеркнувшей золе,
и в тонком теплом аромате
сгоревших дров, и в полумгле.
И в тишине – такой угрюмой,
как будто бледный призрак дня
с какою-то глубокой думой
глядит сквозь сумрак на меня.
Качка слабых мучит и пьянит...

Качка слабых мучит и пьянит.
Круглое окошко поминутно
гасит, заливаает хлябью мутной –
и трепещет, мечется магнит.
Но откуда б, в ветре и тумане,
ни швыряло пеной через борт,
верю – он опять поймает Nord,
крепко сплю, мотаясь на диване.
Не собьет меня с пути никто.
Некий Nord моей душою правит,
он меня в скитаньях не оставит,
он мне скажет, если что: не то!
Ветви кедра – вышивки зеленым...

Ветви кедра – вышивки зеленым
темным плюшем, свежим и густым,
а за плюшем кедра, за балконом –
сад прозрачный, легкий, точно дым:
яблони и сизые дорожки,
изумрудно-яркая трава,
на березах – серые середки
и ветвей плакучих кружева.
А на кленах – дымчато-сквозная
с золотыми мушками вуаль,
а за ней – долинная, лесная,
голубая, тающая даль.
Рассыпался чертог из янтаря...

Рассыпался чертог из янтаря, –

из края в край сквозит аллея к дому.
Холодное дыханье сентября
разносит ветер по саду пустому.
Он замечает листьями фонтан,
взвевает их, внезапно налетая,
и, точно птиц испуганная стая,
кружат они среди сухих полян.
Порой к фонтану девушка приходит,
влача по листьям спущенную шаль,
и подолгу очей с него не сводит.
В ее лице – застывшая печаль,
по целым дням она, как призрак, бродит,
а дни летят. Им никого не жаль.
Осень. Чащи леса...

Осень. Чащи леса.
Мох сухих болот.
Озеро белесо.
Бледен небосвод.
Отцвели кувшинки,
и шафран отцвел.
Выбиты тропинки,
лес и пуст, и гол.
Только ты красива,
хоть давно суха,
в кочках у залива
старая ольха.
Женственно глядишься
в воду в полусне –
и засеребришься
прежде всех к весне.
С темной башни колокол уныло...

С темной башни колокол уныло
возвещает, что закат угас.
Вот и снова город ночь сокрыла
в мягкий сумрак от усталых глаз.
И нисходит кроткий час покоя
на дела людские. В вышине
грустно светят звезды. Все земное
смерть, как страж, обходит в тишине.
Улицей бредет она пустынной,
смотри в окна, где чернеет тьма
всюду глухо. С важностью старинной
в переулках высятся дома.
Там в садах платаны зацветают,
нежно веет раннею весной,
а на окнах девушки мечтают,
упиваясь свежестью ночной.
И в молчанье только им не страшен
близкой смерти медленный дозор,
сонный город, думы черных башен
и часов задумчивый укор.
Нет солнца, но светлы пруды...

Нет солнца, но светлы пруды,
стоят зеркалами литыми,
и чаши недвижной воды
совсем бы казались пустыми,
но в них отразились сады.
Вот капля, как шляпка гвоздя,
упала – и, сотнями игол
затоны пруда бороздя,
сверкающий ливень запрыгал –
и сад зашумел от дождя.
И ветер, играя листвою,
смешал молодые березки,
и солнечный луч, как живой,

зажег задрожавшие блестящие,
а лужи налил синевою
Вон радуга. Весело жить
и весело думать о небе,
о солнце, о зреющем хлебе
и счастьем простым дорожить;
С открытой бродить головой,
глядеть, как рассыпали дети
в беседке песок золотой
Иного нет счастья на свете.
На распутье в диком древнем поле...

На распутье в диком древнем поле
черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
и в траве заржавел старый щит.
На распутье люди начертали
роковую надпись: «Путь прямой
много бед готовит, и едва ли
ты по нем воротишься домой.
Путь направо без коня оставит –
побредешь один и сир, и наг, –
а того, кто влево путь направит,
встретит смерть в неизвестных полях...»
Жутко мне! Вдали стоят могилы
В них бывшее дремлет вечным сном
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом»
Дремлет полдень. На тропах звериных
тлеют кости в травах. Три пути
вижу я в желтеющих равнинах
Но куда и как по ним идти!
Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
в тишине из синей дали кличет
человечьим голосом меня?
И один я в поле, и отважно
жизнь зовет, а смерть в глаза глядит
Черный ворон сумрачно и важно,
полусонный, на кресте сидит.
Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...

Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет;
Колокольчики ландышей в чаще зеленой цветут;
На рассвете в долинах теплом и черемухой веет,
Соловьи до рассвета поют.
Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы...
Все цветет и поет, молодые надежды тая...
О весенние зори и теплые майские росы!
О далекая юность моя!
1900
Осень листья темной краской метит...

Осень листья темной краской метит:
не уйти им от своей судьбы!
Но светло и нежно небо светит
сквозь нагие черные дубы,
что-то неземное обещает,
к тишине уводит от забот –
и опять, опять душа прощает
промелькнувший, обманувший год!
Ненастный день...

Ненастный день. Дорога прихотливо
уходит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
немых могил сторожевая цепь
среди хлебов загадочно синеет,

кричат орлы, пустынный ветер веет
в задумчивых, тоскующих полях,
да тень от туч кочующих темнеет.
А путь бежит не тот ли это шлях,
где Игоря обозы проходили
на синий Дон? Не в этих ли местах,
в глухую ночь, в яругах волки выли,
а днем орлы на медленных крылах
его в степи безбрежной провожали
и клетком псов на кости созывали,
грозя ему великою бедой?
– Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!
Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
шуршит, склоняясь ровной чередой.
СУМЕРКИ

Всё – словно в полусне. Над серую воду
Сползает с гор туман, холодный и густой,
Под ним гудит прибой, зловеще расстилаясь,
А темных голых скал прибрежная стена,
В дымящийся туман погружена,
Лениво курится, во мгле небес теряясь.
Суров и дик ее могучий вид!
Под шум и гул морской она в дыму стоит,
Как неугасший жертвенник титанов,
И Ночь, спускаясь с гор, вступает точно в храм,
Где мрачный хор поет в седых клубах туманов
Торжественный хорал неведомым богам.
1900
Ночь печальна, как мечты мои...

Ночь печальна, как мечты мои.
Далеко в глухой степи широкой
Огонек мерцает одинокий...
В сердце много грусти и любви.
Но кому и как расскажешь ты,
Что зовет тебя, чем сердце полно!
– Путь далек, глухая степь безмолвна,
Ночь печальна, как мои мечты.
1900
ночь

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звездный свет над сумраком земли.
Как письмена, мерцают в тверди синей
Плеяды, Вега, Марс и Орион.
Люблю я их течение над пустыней
И тайный смысл их царственных имен!
Как ныне я, мирьяды глаз следили
Их древний путь. И в глубине веков
Все, для кого они во тьме светили,
Исчезли в ней, как след среди песков:
Их было много, нежных и любивших,
И девушек, и юношей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно-серебривших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!
Вот снова ночь. Над бледной сталью Понта
Юпитер озаряет небеса,
И в зеркале воды, до горизонта,
Столпом стеклянным светит полоса.
Прибрежья, где бродили тавро-скифы,
Уже не те, – лишь море в летний штиль
Все также сыплет ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.
Но есть одно, что вечной красотою

Связует нас с отжившими. Была
Такая ж ночь – и к тихому прибою
Со мной на берег девушка пришла.
И не забыть мне этой ночи звездной,
Когда весь мир любил я для одной!
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой, –
Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и тайного, как сон.
Люблю ее за счастье слиянья
В одной любви с любовью всех времен!
1901
Гроза прошла над лесом стороною..

Гроза прошла над лесом стороною.
Был теплый дождь, в траве стоит вода..
Иду один тропинкою лесною,
И в синеве вечерней надо мною
Слезой светлой искриться звезда.
Иду – и вспоминается мерцанье
Мне звезд иных... глубокий мрак ресниц,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой грозы благоуханье,
И трепет замирающих зарниц..
Все пронеслось, как бурный вихрь весною,
И все в душе я сохраню, любя..
Слезой светлой блещет надо мною
Звезда весны за чащей кружевною..
Как я любил тебя!
1901
Спокойный взор, подобный взору лани..

Спокойный взор, подобный взору лани,
И все, что в нем так нежно я любил,
Я до сих пор в печали не забыл,
Но образ твой теперь уже в тумане.
А будут дни – угаснет и печаль,
И засинеет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.
1901
Ночного неба свод далекий..

Ночного неба свод далекий
Весь в крупных звездах. Все молчит.
Лишь моря слышен шум глубокий
Да сердце трепетно стучит.
Стою, в тревоге ожиданья,
Исполнен радостных надежд..
И вот – шаги среди молчанья,
Шаги и легкий шум одежд!
И верю, и не верю счастью,
Гляжу с надеждою во тьму..
Ужель опять с блаженной страстью
Твои колени обниму?
Как ты, покорно и не споря,
Отдашь мне! Еще хранят
Твои одежды свежесть моря,
И в темноте сияет взгляд.
Нет, никогда уже не буду
С другой я счастлив! Эти дни
За мною следуют повсюду
И в сердце не умрут они.
Ты первого меня любила..
Никто, наперекор судьбе,
Не возвратит того, что было,
Не заменит меня тебе!
Люблю, исполнен тайной муки,

Люблю тебя, как светлый сон,
И каждый горький миг разлуки
Собою озаряет он.
И пусть в нем было все случайно, –
Благословляю день и час,
Когда навеки сладкой тайной
Судьба соединила нас!

1901

Что впереди? Счастливый долгий путь...

Что впереди? Счастливый долгий путь.
Куда-то вдаль спокойно устремляет
Она глаза, а молодая грудь
Легко и мерно и дышит и чуть-чуть
Воротничок от шеи отделяет –
И чувствую я слабый аромат
Ее волос, дыхания – и чую
Былых восторгов сладостный возврат...
Что там вдали? Но я гляжу, тоскуя,
Уж не вперед, нет, я гляжу назад.
Это было глухое, тяжелое время...

Это было глухое, тяжелое время.
Дни в разлуке текли, я как мертвый блуждал;
Я коня на закате седлал
И в безлюдном дворе ставил ногу на стремя.
На горе меня темное поле встречало.
В темноту, на восток, направлял я коня –
И пустынная ночь окружала меня
И, склонивши колосья, молчала.
И, молчанью внимая, я тихо склонялся
Головой на луку. Я без мысли глядел
Но дорожную пыль, и душой холодел,
И в холодной тоске забывался.

1901

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

И я узрел: отверста дверь на небе,
И прежний глас, который слышал я,
И звук трубы, гремевшей надо мною,
Мне повелел: войди и зри, что будет.
И дух меня мгновенно осенил.
И се – на небесах перед очами
Стоял престол, на нем же был Сидящий.
И сей Сидящий, славою сияя,
Был точно камень яспис и сардис,
И радуга, подобная смарагду,
Его престол широко обняла.
И вокруг престола двадесять четыре
Других престола было, и на каждом
Я видел старца в ризе белоснежной
И в золотом венце на голове.
И от престола исходили гласы,
И молнии, и громы, а пред ним –
Семь огненных светильников горели,
Из коих каждый был Господний Дух.
И пред лицом престола было море,
Стеклянное, подобное кристаллу,
А посреди престола и окрест –
Животные, число же их четыре.
И первое подобно было льву,
Тельцу – второе, третье – человеку,
Четвертое – летящему орлу.
И каждое из четырех животных
Три пары крыл имело, а внутри
Они очей исполнены без счета
И никогда не ведают покоя,
Взывая к Славе: Свят, Свят, Свят, Господь,

Бог Вседержитель, Койй пребывает
И был во веки века и грядет!
Когда же так взывают, воздавая
Честь и хвалу живущему вовеки,
Сидящему во славе на престоле,
Тогда все двадесять четыре старца
Ниц у престола падают в смиренье
И, поклоняясь Сущему вовеки,
Кладут венцы к престолу и рекут:
«Воистину достоин восприяти
Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу
Затем, что все Тобой сотворено
И существует волею Твоею!»
1901

Облака, как призраки развалин...

Облака, как призраки развалин,
Встали на заре из-за долин.
Теплый вечер темен и печален,
В темном доме я совсем один.
Слабым звоном люстра отвечает
На шаги по комнате пустой...
А вдали заря зарю встречает,
Ночь зовет бессмертной красотой.
1901

В поздний час мы были с нею в поле

В поздний час мы были с нею в поле.
Я дрожа касался нежных губ...
«Я хочу объятия до боли,
Будь со мной безжалостен и груб!»
Утомясь, она просила нежно:
«Убаюкай, дай мне отдохнуть,
Не целуй так крепко и мятежно,
Положи мне голову на грудь».
Звезды тихо искрились над нами,
Тонко пахло свежестью росы.
Ласково касался я устами
До горячих щек и до косы.
И она забылась. Раз проснулась,
Как дитя, вздохнула в полусне,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалась ко мне.
Ночь царила долго в темном поле,
Долго милый сон я охранял...
А потом на золотом престоле,
На востоке тихо засиял
Новый день, – в полях прохладно стало...
Я ее тихонько разбудил
И в степи, сверкающей и алой,
По росе до дому проводил.
1901

КУСТАРНИК

Жесткой, черной листвою шелестит и трепещет кустарник,
Точно в снежную даль убегает в испуге.
В белом поле стога, косогор и забытый овчарник
Тонут в белом дыму разгулявшейся вьюги.
Дымный ветер кружит и несет в небе ворона боком,
Конский след на бегу порошит-заметают...
Вон прохожий вдали. Истомлен на пути одиноком,
Мертвым шагом он мерно и тупо шагает.
«Добрый путь, человек! Далеко ль до села, до ночлега?
Он не слышит, идет, только голову клонит...
А куда и спешить против холода, ветра и снега?
Родились мы в снегу, – вьюга нас и схоронит.
Занесет равнодушно, как стог, как забытый овчарник...
Хорошо ей у нас, на просторе великом!

Стихотворения. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

Бесприютная жизнь, одинокий над бурей кустарник,
Не тебе одолеть в поле темном и диком!

1901

Морозное дыхание метели...

Морозное дыхание метели

Еще свежо, но улеглась метель.
Белеет снега мшистая постель,
В сугробах стыннут траурные ели.
Ночное небо низко и черно, –
Лишь в глубине, где Млечный Путь белеет,
Сквозит его таинственное дно
И холодом созвездий пламенеет.
Обрывки туч порой темнеют в нем...
Но стынет ночь. И низко над землею
Усталый вихрь шипящею змеею
Скользит и жжет своим сухим огнем.

1901

Светло, как днем, и тень за нами бродит...

Светло, как днем, и тень за нами бродит
В нагих кустах. На серебре травы
Луна с небес таинственно обводит
Сияние вокруг темной головы.
Остановясь, ловлю твой взор прощальный,
Но в сердце холод мертвенный таю –
И бледный лик, загадочно-печальный,
Под бледною луной не узнаю.

1901

ОТРЫВОК

В окно я вижу груды облаков,
Холодных, белоснежных, как зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенний полдень светел, и на север
Уходят тучи. Клены золотые
И белые березки у балкона
Сквозят на небе редкою листвою,
И хрусталем на них сверкают льдинки.
Они, качаясь, тают, а за домом
Бушует ветер... Двери на балконе
Уже давно заклеены к зиме,
Двойные рамы, топленные печи –
Все охраняет ветхий дом от стужи,
А по саду пустому кружит ветер
И, листья подметая по аллеям,
Гудит в березах старых... Светел день,
Но холодно, – до снега недалеко.
Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черном море непрерывно
Бушуют бури: тусклый блеск от солнца,
Скалистый берег, бешеный прибой
И по волнам сверкающая пена...
Ты помнишь этот берег, окаймленный
Ее широкой снежною грядой?
Бывало, мы сбежим к воде с обрыва
И жадно ловим ветер. Вольно веет
Он бодростью и свежестью морской;
Срывая брызги с бурного прибоя,
Он влажной пылью воздух наполняет
И снежных чаек носит над волнами.
Мы в шуме волн кричим ему навстречу,
Он валит с ног и заглушает голос,
А нам легко и весело, как птицам...
Все это сном мне кажется теперь.

1901

НА ОСТРОВЕ

Люблю я наш обрыв, где дикою грядою
Белеют стены скал, смотря на дальний юг.
Где моря синего раскинут полукруг,
Где кажется, что мир кончается водою,
И дышится легко среди безбрежных вод.
В веселый летний день, когда на солнце блещет
Скалистый известняк и в каждый звонкий грот
Зеленая вода хрустальной влагой плещет,
Люблю я зной и ширь, и вольный небосвод,
И острова пустынные высоты.
Ласкают их ветры, и волны лижут их,
А чайки зоркие заглядывают в гроты, –
Косятся в чуткий мрак пещер береговых
И вдруг, над белыми утесами взмывая,
Сверкают крыльями в просторах голубых,
Кого-то жалобно и звонко призывая.
1901

Шумели листья, облетая...

Шумели листья, облетая,
Лес заводил осенний вой...
Каких-то серых птичек стая
Кружилась по ветру с листвою.
А я был мал, – беспечной шуткой
Смятенье их казалось мне:
Под гул и шорох пляски жуткой
Мне было весело вдвойне.
Хотелось вместе с вихрем шумным
Кружиться по лесу, кричать –
И каждый медный лист встречать
Восторгом радостно-безумным!
1901

НОЧЬ И ДЕНЬ

Старую книгу читаю я в долгие ночи
При одиноком и тихо дрожащем огне:
«Всё мимолетно – и скорби, и радость, и песни,
Вечен лишь Бог. Он в ночной неземной тишине».
Ясное небо я вижу в окно на рассвете.
Солнце восходит, и горы в лазури зовут:
«Старую книгу оставь на столе до заката.
Птицы о радости вечного Бога поют».
1901

За всё тебя, Господь, благодарю!..

За всё тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.
Я одинок и ныне – как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как драгоценный камень.
И счастлив я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая в сознание,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что я все чужд и говорю – с Тобой.
1901

Чашу с темным вином подала мне богиня печали...

Чашу с темным вином подала мне богиня печали.
Тихо выпив вино, я в смертельной истоме поник.
И сказала бесстрастно, с холодной улыбкой богиня:
«Сладок яд мой хмельной. Это лозы с могилы любви».
1902

ОДИНОЧЕСТВО

И ветер, и дождик, и мгла

Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.
Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены...
Сегодня идут без конца
Те же тучи – гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.
Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

1903

КАНУН КУПАЛЫ

Не туман белеет в темной роще,
Ходит в темной роще богоматерь,
По зеленым взгорьям, по долинам
Собирает к ночи божьи травы.
Только вечер им остался сроку,
Да и то уж солнце на исходе:
Застят ели черной хвоей запад,
Золотой иконостас заката...
Уж в долинах сыро, пали тени,
Уж луга синеют, пали росы,
Пахнет под росой медуница,
Золотой венец по роще светит.
Как туман, бела ее одежда,
Голубые очи точно звезды,
Соберет она цветы и травы
И снесет их к божьему престолу.
Скоро ночь – им только ночь осталась,
А наутро срежут их косами,
А не срежут – солнце сгубит зноем.
Так и скажет сыну богоматерь:
«Погляди, возлюбленное чадо,
Как земля цвела и красовалась!
Да недолг век земным утехам:
В мире Смерть, она и Жизнь правит».
Но Христос ей молвит: «Мать! не солнце,
Только землю тьма ночная кроет:
Смерть не семя губит, а срезает
Лишь цветы от семени земного.
И земное семя не иссякнет.
Скосит Смерть – Любовь опять посеет.
Радуйся, любимая! Ты будешь
Утешаться до скончанья века!»

1903

Звезды горят над безлюдной землею

Звезды горят над безлюдной землею,
Царственно блещет святое созвездие Пса:
Вдруг потемнело – и огненно-красной змеєю
Кто-то прорезал над темной землей небеса.
Путник, не бойся! В пустыне чудесного много.
Это не вихри, а джинны тревожат ее,
Это архангел, слуга милосердного Бога,

В демонов ночи метнул золотое копьё.

1903

ДЕНЬ ГНЕВА: АПОКАЛИПСИС, IV

...И Агнец снял четвертую печать.
И услышал я голос. Говоривший:
«Восстань, смотри!» И я взглянул: конь бледен,
На нем же мощный всадник – Смерть. И Ад
За нею шел, и власть у ней была
Над четвертью земли, да умервщляет
Мечом и голодом, мором и зверями.
И пятую он снял печать. И видел
Я под престолом души убиенных,
Вопившие: «Доколе, о Владыко,
Не судишь Ты живущих на земле
За нашу кровь?» И были им даны
Одежды белоснежные, и было
Им сказано: да почиют, покуда
Сотрудники и братья их умрут,
Как и они, за словеса Господни.
Когда же снял шестую он печать,
Взглянул я вновь, и вот – до оснований
Потрясся мир, и лик луны – как кровь;
И звезды устремились вниз, как в бурю
Незрелый плод смоковницы, и небо
Свилось, как свиток хартии, и горы
Колеблясь, с места сдвинулись; и все
Цари земли, вельможи и владыки,
Богатые и сильные, рабы
И вольные – все скрылись в пещеры,
В ущелья гор, и оворят горам
И камням их: «Падите и сокройте
Нас от лица Сидящего во славе
И гнева Агнца: ибо настает
Великий день Его всесильной кары!»

1903–1905

ГРОБНИЦА САФИИ

Горный ключ по скатам и оврагам,
Полусонный, убегает вниз.
Как чернец, над белым саркофагом
В синем небе замер кипарис.
Нежные, как девушки, мимозы
Льют над ним узор своих ветвей,
И цветут, благоухают розы
На кустах, где плачет соловей.
Ниже – дикий берег и туманный,
Еле уловимый горизонт:
Там простор воздушный и безгранный,
Голубая бездна – Геллеспонт.
Мир тебе, о юная! Смиренно
Я целую белое тюרבэ:
Пять веков бессмертна и нетленна
На Востоке память о тебе.
Счастливы тот, кто жизнью мир пленяет.
Но стократ счастливей тот, чей прах
Веру в жизнь бессмертную вселяет
И цветёт легендами в веках!

1903–1905

ПРИЗРАКИ

Нет, мертвые не умерли для нас!
Есть старое шотландское преданье,
Что тени их, незримые для глаз,
В полночный час к нам ходят на свиданье,
Что пыльных арф, висящих на стенах,
Таинственно касаются их руки
И пробуждают в дремлющих струнах

Печальные и сладостные звуки.
Мы сказками предания зовем,
Мы глухи днем, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живем
И тишине доверчиво внимаем.
Мы в призраки не верим; но и нас
Томит любовь, томит тоска разлуки...
Я им внимал, я слышал их не раз,
Те грустные и сладостные звуки!
1905
Мы встретились случайно...

Мы встретились случайно, на углу.
Я быстро шел – и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь черные лучистые ресницы.
На ней был креп, – прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвевял на мгновенье,
Но на лице и в ярком свете глаз
Я уловил бывшее оживленье.
И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила – и забыла.
1905
САПСАН

В полях, далеко от усадьбы,
Зимует просяной омет.
Там табунятся волчьи свадьбы,
Там клочья шерсти и помет.
Воловьё ребра у дороги
Торчат в снегу – и спал на них
Сапсан, стервятник космоногий,
Готовый взвиться каждый миг.
Я застрелил его. А это
Грозит бедой. И вот ко мне
Стал гость ходить. Он до рассвета
Вкруг дома бродит при луне.
Я не видал его. Я слышал
Лишь хруст шагов. Но спать невмочь.
На третью ночь я в поде вышел...
О, как была печальна ночь!
Когтистый след в снегу глубоко
В глухие степи вел с гумна.
На небе мгlistом и высоком
Плыла холодная луна.
За валом, над привадой в яме,
Серо маячила ветла.
Даль над пустынными полями
Была таинственно светла.
Облитый этим странным светом,
Подавлен мертвой тишиной,
Я стал – и бледным силуэтом
Упала тень моя за мной.
По небесам, в туманной мути,
Сияя, лунный лик нырял
И серебристым блеском ртути
Слюда по насту озарял.
Кто был он, этот полуночный
Незримый гость? Откуда он
Ко мне приходит в час урочный
Через сугробы под балкон?
Иль он узнал, что я тоскую,
Что я один? что в дом ко мне
Лишь снег да небо в ночь немую
Глядят из сада при луне?
Быть может, он сегодня слышал,

Как я, покинув кабинет,
По темной спальне в залу вышел,
Где в сумраке мерцал паркет,
Где в окнах небеса синели,
А в этой сини четко встал
Черно-зеленой конус ели
И острый Сириус блистал?
Теперь луна была в зените,
На небе плыл густой туман...
Я ждал его, – я шел к раките
По насту снеговых полян,
И если б враг мой от привады
Внезапно прянул на сугроб, –
Я б из винтовки без пощады
Пробил его широкий лоб.
Но он не шел. Луна скрывалась,
Луна сияла сквозь туман,
Бежала мгла... И мне казалось,
Что на снегу сидит Сапсан.
Морозный иней, как алмазы,
Сверкал на нем, а он дремал,
Седой, зобастый, круглоглазый,
И в крылья голову вжимал.
И был он страшен, непонятен,
Таинственен, как этот бег
Туманной мглы и светлых пятен,
Порою озарявших снег, –
Как воплотившаяся сила
Той Воли, что в полночный час
Нас страхом всех соединила –
И сделала врагами нас.

1905

В лесу, в горе, родник, живой и звонкий...

В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиранные, родимые черты!

1905

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ: АПОКАЛИПСИС, I

Я, Иоанн, ваш брат и соучастник
В скорбях и царстве Господа, был изгнан
На Патмос за свидетельство Христа.
Я осенен был духом в день воскресный
И слышал над собою как бы трубный
Могучий глас: «Я Альфа и Омега».
Я обратился, дабы видеть очи
Того, кто говорит, и обратившись,
Я видел семь светильников златых.
И посреди их пламенников – мужа,
Подиром облеченного по стану
И в поясе из золота – по персям.
Его глава и волосы сияли,
Как горный снег, как белая ярина,
И точно пламень огненный – глаза.
Стопы его – халколиван горящий,
Как будто раскаленные в горниле,
И глас его был шумом многих вод.
Семь звезд в его деснице, меч струился
Из уст его, и лик его – как солнце,
Блистающее в славе сил своих.
И, увидав, я пал пред ним, как мертвый.

1903–1906

СОН

Из книги пророка Даниила

Царь! Вот твой сон: блистал перед тобою
Среди долин огромный истукан,
Поправший землю глиняной стопою.
Червонный лик был истукану дан,
Из серебра имел он грудь и длани,
Из меди – бедра мощные и стан.
Но пробил час, назначенный заране, –
И сорвался в долину сам собой
Тяжелый камень с дальней горной грани.
Царь! Пробил час, назначенный судьбой:
Тот камень пал, смешав металлы с глиной,
И поднял прах, как пыль над молотьюбой.
Бог сокрушил металла блеск в единый
И краткий миг: развеял без следа,
А камень стал великою вершиной.
Он овладел вселенной. Навсегда.
1903-1906
БАБА-ЯГА

Гулкий шум в лесу нагоняет сон –
К ночи на море пал сырой туман.
Окружен со всех с четырех сторон
Темной осенью островок Буян.
А еще темней – мой холодный сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей.
А в окно глядит только бурый дуб,
Под которым смерть закопал кощей.
Я состарилась, изболелась вся –
Десять сот годов берегу ларец.
Будь огонь в светце – я б погрелась,
Будь дрова в печи – похлебала щец.
Да огонь – в морях мореходу весть,
Да на сотню верст слышен дым от лык...
Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
Дура старая, неразумный шлык!
ЧУЖАЯ

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.
Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца.
Но лицо ты склонила –
Он не видел лица.
Ты с ним женщиной стала,
Но не девушка ль ты?
Сколько в каждом движенье
Простоты, красоты!
Будут снова измены...
Но один только раз
Так застенчиво светит
Нежность любящих глаз.
Ты и скрыть не умеешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!
1906
КАМЕННАЯ БАБА

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь – без границ, но даль синее слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова – Каменная Баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.
О дикое исчадь древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцем?
– Не Бог, не Бог нас создал. Это мы
Богов творили рабским сердцем.
1903-1906
ПЕСНЯ

Я – простая девка на баштане,
Он – рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.
Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море –
Может, не вернется никогда!
Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь – с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И коую черной удавлюсь.
1903-1906
ПУГАЛО

На задворках, за ригами
Богатых мужиков,
Стоит оно, родимое,
Одиннадцать веков.
Под шапку лохматую –
Дубинка-голова.
Крестом по ветру треплются
Пустые рукава.
Старновкой – чистым золотом!–
Набит его чекмень,
На зависть на великую
Соседних деревень...
Он, огород-то, выпахан,–
Уж есть и лебеда,
И глинка означается,–
Да это не беда!
Не много дел и пугалу...
Да разве огород
Такое уж сокровище?–
Пугался бы народ!
1907
Леса в жемчужном инее...

Леса в жемчужном инее. Морозно.
Поет из телеграфного столба
То весело, то жалобно, то грозно
Звенящим гулом темная судьба.
Молчит и внемлет белая долина.
И все победней ярче и пышней
Горит, дрожит и блещет хвост павлина
Стоцветными алмазами над ней.
1907
РЫБАЛКА

Вода за холодные серые дни в октябре
На отмелях спала – прозрачная стала и чистая.
В песке обнаженном оттиснулась лапка лучистая:
Рыбалка сидела на утренней ранней заре.
В болоте лесном, под высоким коричневым шпajником,
Где цепкая тина с листвою купав сплетена,
Все лето жила, тосковала о дружке она,
О дружке, убитой заезжим охотником-бражником.

Зарю она улетела за дальний Дунай –
И горе забудет. Но жизнь дорожит и рыбалкою:
Ей надо помучить кого-нибудь песенкой жалкою –
И Груня жалкует, поет... Вспоминай, вспоминай!
1907

Шла сиротка пыльной дорогой...

Шла сиротка пыльной дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встретился прохожий, глянул строго,
К мачехе велел ей воротиться.
Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстречался ангел, глянул кротко
И потупил ангельские очи.
По пригоркам шла сиротка, стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встретился Господь у перевала,
Глянул милосердно и любовно.
«Не трудись, – сказал Он, не разбудишь
матери в ее могиле тесной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь», –
И увел сиротку в рай небесный.
1907

КОШКА

Кошка в крапиве за домом жила.
Дом обветшалый молчал, как могила.
Кошка в него по ночам приходила
И замирала напротив стола.
Стол обращен к образам – позабыли,
Стол как стоял, так остался. В углу
Каплями воск затвердел на полу –
Это горевшие свечи оплыли.
Помнишь? Лежит старичок-холостяк:
Кротко закрыты ресницы – и кротко
В черненький галстук воткнулась борода.
Свечи пылают, дрожит нависающий мрак...
Темен теперь этот дом по ночам.
Кошка приходит и светит глазами.
Угол мерцает во тьме образами.
Ветер шумит по печам.
1907

ХРАМ СОЛНЦА

Шесть золотистых мраморных колонн,
Безбрежная зеленая долина,
Ливан в снегу и неба синий склон.
Я видел Нил и Сфинкса-исполина,
Я видел пирамиды: ты сильнее,
Прекрасней, допотопная руина!
Там глыбы желто-пепельных камней,
Забытые могилы в океане
Нагих песков. Здесь радость юных дней.
Патриархально-царственные ткани –
Снегов и скал продольные ряды –
Лежат, как пестрый талес на Ливане.
Под ним луга, зеленые сады
И сладостный, как горная прохлада,
Шум быстрой малахитовой воды.
Под ним стоянка первого номада.
И пусть она забвенна и пуста:
Бессмертным солнцем светит колоннада.
В блаженный мир ведут ее врата.
6 мая 1907, Баальбек
С КОРАБЛЯ

Для жизни жизнь! Вон пенные буруны

У сизых каменистых берегов.
Вон красный киль давно разбитой шкуны.
Но кто жалеет мертвых рыбаков?
В сыром песке на солнце сохнут кости...
Но радость неба, свет и бирюза,
Еще свежей при утреннем норд-осте –
и блеск костей лишь радует глаза.
1907
ТЕЗЕЙ

Тезей[1] уснул в венке из мирт и лавра.
Зыбь клонит мачту в черных парусах.
Зеленым золотом горит звезда Кентавра
На южных небесах.
Забыв о ней, гребцы склоняют вежды,
Поют в дремоте сладкой: О Тезей!
Вновь пропитал Кентавр ткань праздничной одежды
Палящим ядом змей.
Мы в радости доверчивы, как дети.
Нас тешит мирт, пьянит победный лавр.
Один Эгей не спал над морем в звездном свете,
Когда всходил Кентавр.
БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

На севере есть розовые мхи,
Есть серебристо-шелковые дюны...
Но темных сосен звонкие верхи
Поют, поют над морем, точно струны.
Послушай их. Стань, прислонись к сосне:
Сквозь грозный шум ты слышишь ли их нежность?
Но и она – в певучем полусне.
На севере отрадна безнадежность.
1907
Жгли на кострах за пап и за чертей...

Жгли на кострах за пап и за чертей,
Живьем бросали в олово и серу
За ад и рай, безверие и веру,
За исчисленье солнечных путей.
И что ж! Чертей не пламя утешает,
Не то, что злей ехидны человек,
А то, что гроб, сожженный в прошлый век,
Он в нынешнем цветами украшает.
2 июля 1907
ДИКАРЬ

Над стремью скал – чернеющий орел.
За стремью – синь, туманное поморье.
Он как во сне к своей добыче шел
На этом поднебесном плоскогорье.
С отвесных скал летели вниз кусты,
Но дерзость их безумца не страшила:
Ему хотелось большей высоты –
и бездна смерти бездну довершила.
Ты знаешь, как глубоко в синеву
Уходит гриф, ужаленный стрелою?
И он напруг тугую тетиву –
и зашумели крылья над скалою,
и потонул в бездонном небе гриф,
и кровь, звездой упавшую оттуда
на берега, на известковый риф,
смыл океан волною изумруда.
1907
ОБВАЛ

В степи, с обрыва, на сто миль
Морская ширь открыта взорам.
Внизу, в стремнине – глина, пыль,

Щепа и кости с мелким сором.
Гудели ночью тополя,
В дремоте море бушевало –
Вдруг тяжело охнула земля,
весь берег дрогнул от обвала!
Сегодня там стоят, глядят
и алой, белой павиликой
На солнце зонтики блестят
Над бездной пенистой и дикой.
Никто не знал, что здесь – погост,
Да и теперь – кому он нужен!
Весенний ветер свеж и прост,
Он только с молодостью дружен!
Внизу – щепа, гробы в пыли...
Да море берег косит, косит
Серпами волн – и от земли
Далеко сор ее уносит!

1907

В полях сухие стебли кукурузы..

В полях сухие стебли кукурузы,
Следы колес и блеклая ботва.
В холодном море – бледные медузы
И красная подводная трава.
Поля и осень. Море и нагие
Обрывы скал. Вот ночь, и мы идем
На темный берег. В море – летаргия
Во всем великом таинстве своем.
«Ты видишь воду?» – «Вижу только ртутный
Туманный блеск...» Ни неба, ни земли.
Лишь звездный блеск висит под нами – в мутной
Бездонно-фосфорической пыли.

1907

НА РЕЙДЕ

Люблю сухой, горячий блеск червонца,
Когда его уронят с корабля
И он, скользнув лучистой каплей солнца,
Прорежет волны у руля.
Склонясь с бортов, с невольною улыбкой
Все смотрят вниз. А он уже исчез.
Вверх по корме струится глянец зыбкий
От волн, от солнца и небес.
Как жар горят червонной медью гайки
Под серебристым тентом корабля.
И плавают на снежных крыльях чайки,
Косясь на волны у руля.

1907

БАЛАГУЛА

Балагула убегает и трясет меня.
Рыжий Айзик правит парой и сосет тютюн.
Алый мак во ржи мелькает – лепестки огня.
Золотятся, льются нити телеграфных струн.
«Айзик, Айзик, вы заснули!» – «Ха! А разве пан
Едет в город с интересом? Пан – поэт, артист!»
Правда, правда. Что мне этот грязный Аккерман?
Степь привольна, день прохладен, воздух сух и чист.
Был я сыном, братом, другом, мужем и отцом,
Был в довольстве... Все насмарку! Все не то, не то!
Заплачу за путь венчальным золотым кольцом,
А потом... Потом в таверну: вывезет лото!

1907

ДИЯ

Штиль в безгранично светлом Ак-Денизе.
Зацвел миндаль. В ауле тишина
И теплый блеск. В мечети на карнизе,

Воркуя, ходят, ходят турмана.
На скате, под обрывистым утесом
Журчит фонтан. Идут оттуда вниз
Уступы крыш по каменным откосам
И безграничный виден Ак-Дениз.
Она уж там. И весел и спокоен
Взгляд быстрых глаз. Легка, как горный джин.
Под шелковым бешметом детски строен
Высокий стан... Она нальет кувшин,
На камень сбросит красные папучи
И будет мыть, топтать в воде белье...
– Журчи, журчи, звени, родник певучий,
Она глядится в зеркало твое!
1907
ИЗ АНАТОЛИЙСКИХ ПЕСЕН

Девичья

Свежий ветер дует в сумерках
На скалистый островок.
Закачалась чайка серая
Под скалой, как поплавок.
Под крыло головку спрятала
И забылась в полусне.
Я бы тоже позабылась
На качающей волне!
Поздно ночью в саклю темную
Грусть и скуку принесешь.
Поздно ночью с милым встретишься,
Да и то когда заснешь!
Летом в море легкая вода,
Белые сухие паруса,
Иглами стальными в невода
Сыплется под баркою хамса.
Рыбацкая

Осенью невесел Трапезонд!
В море вьюга, холод и туман,
Ходит головами горизонт,
В пену зарывается бакан.
Тяжела студеная вода,
Буря в ночь осеннюю дерзка,
Да на волю гонит из гнезда
Лютая голодная тоска!
1907
ГРОБНИЦА РАХИЛИ

«И умерла, и схоронил Иаков
Ее в пути...» И на гробнице нет
Ни имени, ни надписей, ни знаков.
Ночной порой в ней светит слабый свет,
И купол гроба, выбеленный мелом,
Таинственную бледностью одет,
Я приближаюсь в сумраке несмело
И с трепетом целую мел и пыль
На этом камне выпуклом и белом..
Сладчайшее из слов земных! Рахиль!
1907
С ОБЕЗЬЯНОЙ

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет худой, согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.
И детское и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган,
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота.
Далеко от Одессы на фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре –
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.
И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнет
Велосипед бесшумным махом птицы,
Да прогремит в немецкой фуре лед.
Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...
Но путь далек... Сады, сады, сады...
Зверок устал, – взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан.
Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ты далеко, Загреб!
1907
В столетнем мраке черной ели...

В столетнем мраке черной ели
Краснела темная заря,
И светляки в кустах горели
Зеленым дымом янтаря.
И ты играла в темной зале
С открытой дверью на балкон,
И пела грусть твоей рояли
Про невозвратный небосклон,
Что был над парком, – бледный, ровный,
Ночной, июньский, – там, где след
Души счастливой и любовной,
Души моих далеких лет.
1907
ПУСТОШЬ

Мир вам, в земле почившие! – За садом
Погост рабов, погост дворовых наших:
Две десятины пустоши, волнистой
От бугорков могильных. Ни креста,
Ни деревца. Местами уцелели
Лишь каменные плиты, да и то
Изъеденные временем, как оспой...
Теперь их скоро выберут – и будут
Выпахивать то пористые кости,
То суздальские черные иконки.
Мир вам, давно забытые! – Кто знает
Их имена простые? Жили – в страхе,
В неизвестности – почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Но стихал
Однообразный бабий плач – и снова
Шли дни труда, покорности и страха...
Теперь от этой жизни уцелели
Лишь каменные плиты. А пройдет
Железный плуг – и пустошь всколосится
Густою рожью. Кости удобряют...
Мир вам, неотомщенные! – Свидетель
Великого и подлого, бессильный
Свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней,
Я, чье чело отмечено навеки
Клеймом раба, невольника, холопа,
Я говорю почившим: «Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки ваших
Владык и повелителей испили
Не меньше вас из горькой чаши рабства!»

1907

НА ПЛЮЩИХЕ

Пол навощен, блестит паркетом.
 Столовая озарена
 Полуденным горячим светом.
 Спит кот на солнце у окна;
 Мурлыкает и томно щурит
 Янтарь зрачков, как леопард,
 А бабушка – в качалке, курит
 И думает: «Итак, уж март!
 А там и праздники, и лето,
 И снова осень...» Вдруг в окно
 Влетело что-то, вдоль буфета
 Мелькнуло светлое пятно,
 Зажглось, блеснув, в паркетном воске –
 И вновь исчезло... Что за шут?
 А! это улицей подростки,
 Как солнце, зеркало несут.
 И снова думы: «Оглянуться
 Не успеваешь – года нет...»
 А в окна, сквозь гардины, льются
 Столбы лучей, горячий свет,
 И дым, ленивою куделью
 Сливаясь с светлой полосой,
 Синее, тает... как за елью
 В далекой просеке, весной.
 1907

НОВЫЙ ХРАМ

По алтарям, пустым и белым,
 Весенний ветер дул на нас,
 И кто-то сверху капал мелом
 На золотой иконостас.
 И звучный гул бродил в колоннах,
 Среди лесов. И по лесам
 Мы шли в широких балахонах,
 С кистями, в купол, к небесам.
 И часто, вместе с малярами,
 Там пели песни. И Христа,
 Что слушал нас в веселом храме,
 Мы написали неспроста.
 Нам все казалось, что под эти
 Простые песни вспомнит он
 Порог на солнце в Назарете,
 Верстак и кубовый хитон.
 1907

ХУДОЖНИК

Хрустя по серой гальке, он прошел
 Покатый сад, взглянул по водоемам,
 Сел на скамью... За новым белым домом
 Хребет яйлы и близок и тяжел.
 Томясь от зноя, грифельный журавль
 Стоит в кусте. Опущена косица,
 Нога – как трость... Он говорит: «Что, птица?
 Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»
 Он, улыбаясь, думает о том,
 Как будут выносить его – как сизы
 На жарком солнце траурные ризы,
 Как желт огонь, как бел на синем дом.
 «С крыльца с кадиллом сходит толстый поп,
 Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
 Защелкает, взвьется от забора –
 И ну плясать и стучать клювом в гроб!»
 В груди першит. С шоссе несется пыль,
 Горячая, особенно сухая.
 Он снял пенсне и думает, перхая:

«Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль».

1908

САВАОФ

Я помню сумрак каменных аркад,
В середине свет – и красный блеск атласа
В сквозном узоре старых царских врат,
Под золотой стеной иконостаса.
Я помню купол грубо-голубой:
Там Саваоф с простертыми руками,
Над скудною и темною толпой,
Царил меж звезд, повитых облаками.
Был вечер, март, сияла синева
Из узких окон, в куполе пробитых,
Мертво звучали древние слова.
Весенний отблеск был на скользких плитах –
И грозная седая голова
Текла меж звезд, туманами повитых.
28 июля 1908
ПИЛИГРИМ

Стал на ковер, у якорных цепей,
Босой, седой, в коротеньком халате,
В большой чалме. Свежеет на закате,
Ночь впереди – и тело радо ей.
Стал и простер ладони в муть зыбей:
Как раб хранит заветный грош в заплате,
Хранит душа одну мечту – о плате
За труд земной, – и все скупей, скупей.
Орлиный клюв, глаза совы, но кротки
Теперь они: глядят туда, где синь
Святой страны, где слезы звезд – как четки
На смуглой кисти Ангела Пустынь.
Открыто все: и сердце и ладони...
И блещут, блещут слезы в небосклоне.
1908
Гальциона

Когда в волне мелькнул он мертвым ликом,
К нему на сердце кинулась она –
И высоко, с двойным звенящим криком,
Двух белых чаек вынесла волна.
Когда зимой, на этом взморье диком,
Крутая зыбь мутна и солонна,
Они скользят в ее пучины с криком –
И высоко выносит их волна.
Но есть семь дней: смолкает Гальциона,
И на нее щадит пловцов Эол.
Как серебро, светло морское лоно,
Чернеет степь, на солнце дремлет вол:
Семь мирных дней проводит Гальциона[2]
В камнях, в гнезде. И внуков ждет Эол.
28. VII. 08
В АРХИПЕЛАГЕ

Осенний день в лиловой крупной зыби
Блистал, как медь. Эол и Посейдон
Вели в снастях певучий долгий стон,
И наш корабль нырял подобно рыбе.
Вдали был мыс. Высоко на изгибе,
Сквозя, вставал неровный ряд колонн.
Но песня рей меня клонила в сон –
Корабль нырял в лиловой крупной зыби.
Не все ль равно, что это старый храм,
Что на мысу – забытый портик феба!
Запомнил я лишь ряд колонн да небо.
Дым облаков курился по горам,
Пустынный мыс был схож с ковригой хлеба.

Я жил во сне. Богов творил я сам.

12 августа 1908

ИЕРУСАЛИМ

Это было весной. За восточной стеной
Был горячий и радостный зной.
Зеленела трава. На припеке во рву
Мак кропил огоньками траву.
И сказал проводник: «Господин! Я еврей
И, быть может, потомок царей.
Погляди на цветы по сионским стенам:
Это все, что осталось нам».
Я спросил «На цветы?» И услышал в ответ:
«Господин! Это праотцев след,
Кровь погибших в боях. Каждый год, как весна,
Красным маком восходит она».
В полдень был я на кровле. Кругом подо мной,
Тоже кровлей – единой, сплошной, –
Желто-розовый, точно песок, возлежал
Древний город и зноем дышал.
Одинокая пальма вставала над ним
На холме опахалом своим,
И мелькали, сверлили стрижи тишину,
И далеко я видел страну.
Морем серых холмов расстилалась она
В дымке сизого мглистого сна.
И я видел гористый Моав, а внизу –
Ленту мертвой воды, бирюзу.
«От Галгала до Газы, – сказал проводник, –
Край отцов ныне беден и дик.
Иудея в гробах. Бог раскинул по ней
Семя пепельно-серых камней.
Враг разрушил Сион. Город тлел и сгорал –
И пророк Иеремия собрал
Теплый прах, прах золы в погасавшем огне,
И развеял его по стране:
Да родит край отцов только камень и мак!
Да исчахнет в нем всяческий злак!
Да пребудет он гол, иссушен, нелюдим
До прихода реченного Им!»
около 1908
Там, в полях, на погосте...

Там, в полях, на погосте,
В роще старых берёз,
Не могила, не кости –
Царство радостных грёз.
Летний ветер мотает
Зелень длинных ветвей –
И ко мне долетает
Свет улыбки твоей.
Не плита, не распятыё –
Предо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.
Разве ты одинока?
Разве ты не со мной?
В нашем прошлом, далёком,
Где и я был иной?
В мире круга земного,
Настоящего дня,
Молодого, былого
Нет давно и меня!
ВЕЧЕР

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно –
Вот этот сад осенний за сараем

И чистый воздух, льющийся в окно.
В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.
Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.
День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.
1909
ПЕСНЯ

Зацвела на воле
В поле бирюза.
Да не смотрят в душу
Милые глаза.
Помню, помню нежный,
Безмятежный лен.
Да далеко где-то
Зацветает он.
Помню, помню чистый
И лучистый взгляд.
Да поднять ресницы
Люди не велят.
1909
МУЖИЧОК

Ельничком, березничком – где душа захочет –
В Киев пробирается божий мужичок.
Смотрит, нет ли ягодки? Горбится, бормочет,
Съест и ухмыляется: я, мол, дурачок.
«Али сладко, дедушка?» – «Грешен: сладко, внучек».
«Что ж, и на здоровье А куда идешь?»
«Я-то? А не ведаю. Вроде вольных тучек.
Со крестом да с верой всякий путь хорош».
Ягодка по ягодке – вот и слава Богу:
Сыты. А завидим белые холсты,
Подойдем с молитвою, глянем на дорогу,
Сдернем, сунем в сумочку – и опять в кусты.
1906-1911
БЕЗ ИМЕНИ

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют наф ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.
Но лик скрыт опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.
1906-1911
Океан под ясною луной...

Океан под ясною луной,
Теплой и высокой, бледнолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.
Всходят горы облачных громад:
Гавриил, кадя небесным Сидам,
В темном фимиаме царских врат
Блещет огнедышащим кадилом.
Индийский океан, 1911
ПСКОВСКИЙ БОР

Вдали темно и чащи строги.
Под красной мачтой, под сосной

Стою и медлю – на пороге
В мир позабытый, но родной.
Достойны ль мы своих наследий?
Мне будет слишком жутко там,
Где тропы рысей и медведей
Уводят к сказочным тропам,
Где зернь краснеет на калине,
Где гниль покрыта ржавым мхом
И ягоды туманно-сини
На можжевельнике сухом.
23. VII.12
ДВА ГОЛОСА

– Ночь, сынок, непроглядная,
А дорога глуха...
– Троеперого знахарю
Я отнес петуха.
– Лес, дремучий, разбойничий,
Темен с давних времен...
– Нож булатный за пазухой
Горячо наточен!
– Реки быстры и холодны,
Перевозчики спят...
– За рекой ветер высушит
Мой нехитрый наряд!
– А когда же мне, дитятко,
Ко двору тебя ждать?
– Уж давай мы как следует
Попрощаемся, мать!
23. VII.12
ПРАЩУРЫ

Голоса с берега и с корабля
«Лицом к туманной зыби хороните
На берегу песчаном мертвецов...»
– Плыдем в туман. Над мачтою, в зените –
Туманный лик... Чей это слабый зов?
«Мы дышим ночью, морем и туманом,
Нам хорошо в его сыром пару...»
– А! На холме, пустынном и песчаном,
Полночный вихрь проносится в бору!
«Мы ль не любили зыбь и наши юмы?
Мы ль не крепили в бурю паруса?»
– В туман холодный, медленный, угрюмый,
Скрывается песчаная коса.
24. VII.12
Ночь зимняя мутна и холодна...

Ночь зимняя мутна и холодна,
Как мертвая, стоит в выси луна.
Из радужного бледного кольца
Глядит она на след мой у крыльца,
На тень мою, на молчаливый дом
И на кустарник в инее густом.
Еще блестит оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволкло,
На севере огни полночных звезд
Горят из мглы, как из пушистых гнезд.
Снег меж кустов, туманно-голубой,
Осыпан жесткой серою крупой.
Таинственным дыханием гоним,
Туман плывет, – и я мешаюсь с ним.
И меркнет тень, и двинулась луна,
В свой бледный свет, как в дым, погружена,
И кажется, вот-вот и я пойму
Незримое – идущее в дыму
От тех земель, от тех предвечных стран,
Где гробовой чернеет океан,

Где, наступив на ледяную Ось,
Превыше звезд восстал Великий Лось –
И отражают бледные снега
Стоцветные горящие рога.
25. VII.12
НОЧНАЯ ЗМЕЯ

Глаза козюли, медленно ползущей
К своей норе вечною сонной пущей,
Горят, как угли. Сумрачная мгла
Стоит в кустах – и вот она зажгла
Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять раз, и под колючей хвоей
Влачит свой жгут так тихо, что сова,
Плывя за ней, следит едва-едва
Шуршанье мхов. А ночь темна в июле,
А враг везде – и страшен он козюле
В ночном бору, где смолк обычный шум:
Она сосредоточила весь ум,
Всю силу зла в своем горящем взгляде,
И даже их, ежей, идущих сзади,
Пугает яд, когда она в пути
Помедлит, чтоб преграду обойти,
Головку приподымет, водит жалом
Над мухомором, сморщенным и алым,
Глядит на пни, торчащие из ям,
И светит полусонным муравьям.
28. VII.12
НА ПУТИ ИЗ НАЗАРЕТА

На пути из Назарета
Встретил я святую деву.
Каменистая синела
Самария вокруг меня,
Каменистая долина
С юга шла – а по долине
Семенил ушастый ослик
Меж посевов ячменя.
Тот, кто гнал его, был в пыльном
И заплатанном кунбазе,
Стар, с блестящими глазами,
Сизо-черен и курчав.
Он, босой и легконогий,
За хвостом его поджатым
Гнался с палкою, виляя
От колючек сорных трав.
А на нем, на этом дробном,
Убегавшем мелкой рысью
Сером ослике, сидела
Мать с ребенком на руках:
Как спокойно поднялися
Аравийские ресницы
Над глубоким теплым мраком,
Что сиял в ее очах!
Поклонялся я, Мария,
Красоте твоей небесной
В странах франков, в их капеллах,
Полных золота, огней,
В полумраке величавом
Древних рыцарских соборов,
В полумгле стоцветных окон
Сакристий и алтарей.
Там, под плитами, починют
Короли, святые, папы,
Имена их полустерты
И в забвении дела.
Там твой сын, главой поникший,
Темный ликом, в муках крестных.

Ты же – в юности нетленной:
Ты, и скорбная, светла.
Золотой венец и ризы
Белоснежные – я всюду
Их встречал с восторгом тайным:
При дорогах, на полях,
Над бурунами морскими,
В шуме волн и криках чаек,
В темных каменных пещерах
И на старых кораблях.
Корабли во мраке, в бурях
Лишь тобой одной хранимы.
Ты – Звезда морей: со скрипом
Зарываясь в пене их
И огни свои качая,
Мачты стойко держат парус,
Ибо кормчему незримо
Светит свет очей твоих.
Над безумием бурунов
В ясный день, в дыму прибоя,
Ты цветешь цветами радуг,
Ночью, в черных пастях гор,
Озаренная лампадой,
Ты, как лилия, белеешь,
Благодатно и смиренно
Преклонив на четки взор.
И к стопам твоим пречистым,
На алтарь твой в бедной нише
При дорогах меж садами,
Всяк свой дар приносим мы:
Сирота-служанка – ленту,
Обрученная – свой перстень,
Мать – свои святые слезы,
Запоньяр – свои псалмы.
Человечество, венчая
Властью божеской тиранов,
Обагрят руки кровью
В жажде злата и раба,
И само еще не знает,
Что оно иного жаждет,
Что еще раз к Назарету
Приведет его судьба!
31. VII.12
В СИЦИЛИИ

Монастыри в предгорьях глухих,
Наследие разбойников морских,
Обители забытые, пустые –
Моя душа жила когда-то в них:
Люблю, люблю вас, келии простые,
Дворы в стенах тяжелых и нагих,
Валы и рвы, от плесени седые,
Под башнями кустарники густые
И глыбы скользких пепельных камней,
Загромоздивших скаты побережий,
Где сквозь маслины кажется синей
Вода у скал, где крепко треплет свежий,
Соленый ветер листьями маслин
И на ветру благоухает тмин!
1. VIII.12
ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

«Дай мне звезду, – твердит ребенок сонный, –
Дай, мамочка...» Она, обняв его,
Сидит с ним на балконе, на ступеньках,
Ведущих в сад. А сад, степной, глухой,
Идет, темнея, в сумрак летней ночи,
По скату к балке. В небе, на востоке,

Краснеет одинокая звезда.
«Дай, мамочка...» Она с улыбкой нежной
Глядит в худое личико: «Что, милый?»
«Вон ту звезду...» – «А для чего?» – «Играть...»
Лепечут листья сада. Тонким свистом
Сурки в степи скликаются. Ребенок
Спит на колене матери. И мать,
Обняв его, вздохнув счастливым вздохом,
Глядит большими грустными глазами
На тихую далекую звезду...
Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звезд подобна ты порой!
1. VIII.12
БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Едет стрелок в зеленые луга,
В тех ли лугах осока да куга,
В тех ли лугах все чемер да цветы,
Вешней водою низы налиты.
– Белый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.
Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка,
Плеткой стрелок по Оленю стебнул,
Крепкой рукой самострел натянул,
Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень, погубил ты стрелка!
– Ты не стебай, не стреляй, молодец,
Примешь ты скоро заветный венец,
В некое время сгожусь я тебе,
С луга к веселой приду я избе:
Тут и забавам стрелецким конец –
Будешь ты дома сидеть, молодец.
Стану, Олень, на дворе я с утра,
Златом рогов освечу полдвора,
Сладким вином поезжан напою,
Всех особливей невесту твою:
Чтоб не мочила слезами лица,
Чтоб не боялась кольца и венца.
1. VIII.12
АЛИСАФИЯ

На песок у моря синего
Золотая верба клонится.
Алисафия за братьями
По песку морскому гонится.
– Что ж вы, братья, меня кинули?
Где же это в свете видано?
– Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змея выдана.
– Воротитесь, братья милые!
Хоть еще раз попросаемся!
– Не гонись, сестра: мы к мачехе
Поспешаем, ворочаемся.
Золотая верба по ветру
Во все стороны клонилась.
На сырой песок у берега
Алисафия садилась.
Вот и солнце опускается
В огневую зыбь помория,
Вот и видит Алисафия:
Белый конь несет Егория.
Он с коня слезает весело,
Отдает ей повод с плеткою:
– Дай уснуть мне, Алисафия,
Под твоей защитой кроткою.
Лег и спит, и дрогнет с холоду

Алисафия покорная.
Тяжелеет солнце рдяное,
Стала зыбь к закату черная.
Закипела она пеною,
Зашумела, закурчавилась:
– Встань, проснись, Егорий-батюшка!
Шуму на море прибавилось.
Поднялась волна и на берег
Шибко мчит глаза змеинные:
– Ой, проснись, – не медли, суженый,
Ни минуты ни единые!
Он не слышит, спит, покоится.
И заплакала, закрылась
Алисафия – и тяжкая
По щеке слеза скатилась
И упала на Егория,
На лицо его, как олово.
И вскочил Егорий на ноги
И срубил он Змею голову.
Золотая верба, звездами
Отягченная, склоняется,
С нареченным Алисафия
В божью церковь собирается.
VIII.12
ПОТОМКИ ПРОРОКА

Не мало царств, не мало стран на свете.
Мы любим тростниковые ковры,
Мы ходим не в кофейни, а в мечети,
На солнечные тихие дворы.
Мы не купцы с базара. Мы не рады,
Когда вступает пыльный караван
В святой Дамаск, в его сады, ограды;
Нам не нужны подачки англичан.
Мы терпим их. Но ни одежды белой,
Ни белых шлемов видеть не хотим.
Написано: чужому зла не делай,
Но и очей не подымай пред ним.
Скажи привет, но помни: ты в зеленом.
Когда придут, гляди на кипарис,
Гляди в лазурь. Не будь хамелеоном,
Что по стене мелькает вверх и вниз.
VIII.12
Шипит и не встает верблюд...

Шипит и не встает верблюд,
Ревут, урчат бока скотины.
– Ударь ногой. Уже поют
В рассвете алом муэззины.
Стамбул жемчужно-сер вдали,
От дыма сизо на Босфоре,
В дыму выходят корабли
В седое Мраморное море.
Дым смешан с холодом воды,
Он пахнет медом и ванилью,
И вами, белые сады,
И кизяком, и росной пылью.
Выносит красный самовар
Грек из кофейни под каштаном,
Баранов гонят на базар,
Проснулись нищие за ханом:
Пора идти, глядеть весь день
На зной и блеск, и все к востоку,
Где только птиц косая тень
Бежит по выжженному дроку.
VIII.12
УГОЛЬ

Могол Тимур принес малютке-сыну
Огнем горящий уголь и рубин.
Он мудрый был: не к камню, не к рубину
В восторге детском кинулся Имин.
Могол сказал: «Кричи и знай, что пленка
Уже легла на меркнувший огонь».
Но бог мудрей: бог пожалел ребенка –
Он сам подул на детскую ладонь.

VIII.12

СУДНЫЙ ДЕНЬ

В щит золотой, висящий у престола,
Копьем ударит ангел Израфил –
И саранчой вдоль сумрачного дола
Мы потечем из треснувших могил.
Щит загудит – и ты восстанешь, боже,
И тень твоя падет на судный дол,
И будет твердь подобна красной коже,
Повергнутой кожевником в рассол.

8. VIII.12

НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

Туман прозрачный по полям
Идет навстречу мне,
Луны касаясь по краям,
Мелькая в вышине.
В полях не мало борозд, ям,
Невидных при луне.
Что там? Не речки ль полоса?
Нет, это зеленыя.
Блестит холодная роса
На гриве у коня –
И дышат ладаном леса,
Раскрытые до пня.

8. VIII.12

ЗАВЕСА

Так говорит господь: «Когда, мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов моих,
Я разделяю вас завесою незримой,
Зане смешон врагам мой сладкозвучный стих».
И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я утаил. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме бога:
Он сам нас разделил завесою своей.

8. VIII.12

РИТМ

Часы, шипя, двенадцать раз пробили
В соседней зале, темной и пустой,
Мгновения, бегущие чередой
К безвестности, к забвению, к могиле,
На краткий срок свой бег остановили
И вновь узор чеканят золотой:
Заворожен ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силе.
Раскрыв глаза, гляжу на яркий свет
И слышу сердца ровное биенье,
И этих строк размеренное пенье,
И мыслимую музыку планет.
Все ритм и бег. Бесцельное стремленье!
Но страшен миг, когда стремленья нет.

9. VIII.12

Как дым пожара, туча шла...

Как дым пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,

Что в ней был слышен голос бога,
Великий, жуткий для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклые, в пыли,
Серели травы. Степь роняла
Беззвучно зерна – рожь текла
Как бы крупинками стекла
В суглинок жаркий. Тонко, вяло,
Седые крылья распутив,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но в духоте песчаных нив
Терялся крик. И вырастали
На юге тучи. И листва
Ветлы, склоненной к их подножью,
Вся серебристой млела дрожью –
В грядущем страхе божества.
10. VIII.12
ГРОБНИЦА

Глубокая гробница из порфира,
Клоки парчи и два крутых ребра.
В костях руки – железная секира,
На черепе – венец из серебра.
Надвинут он на черные глазницы,
Сквозит на лбу, блестящем и пустом.
И тонко, сладко пахнет из гробницы
Истлевшим кипарисовым крестом.
10. VIII.12
СВЕТЛЯК

Леса, пески, сухой и теплый воздух,
Напев сверчков, таинственно простой.
Над головою – небо в бледных звездах,
Под хвоей – сумрак, мягкий и густой.
Вот и она, забытая, глухая,
Часовенка в бору: издалека
Мерцает в ней, всю ночь не потухая,
Зеленая лампадка светляка.
Когда-то озаряла нам дорогу
Другая в этой сумрачной глуши..
Но чья святее? Равно угоден богу
Свет и во тьме немеркнувшей души.
Под Себежем,
24. VIII.12
СТЕПЬ

Синий ворон от падали
Алый клюв поднимал и глядел.
А другие косились и прядали,
А кустарник шумел, шелестел.
Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя, ты, сторонущка,
Вековая моя глухомань!
21. IX.12
ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Среди кривых стволов, среди ветвей корявых
Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету – и вот, в зеленых травах,
Огни, как языки, краснеют и дрожат.
Бесцветный запад чист – жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно-ярких звезд.
2. III.13
МАТРОС

Ночью в море крепко спать хотелось,
Измотало зыбью нашу барку,
На носу – угодника Николу,
На корме – малиновый фонарик.
А пришли к Патрасу – рассветает,
Море зашило, зеленеет,
На востоке, светлом, апельсинном,
Розовеют снеговые горы.
У кого есть деньги, тот в кофейне,
Пьет мастику или чай с лимоном –
Э, успею выспаться! Скорее
Дай мне сыру и вина покрепче!
Сладко ослабею, сытый, пьяный,
Забурлю кальяном, а хозяин
Будет усмехаться – и от смеха
Нос его короткий станет клювом.
8. III.13
СВЯТОГОР

В чистом поле, у камня Алáтыря,
Будит конь Святогора-богáтыря:
Грудью пал на колчан Святогор.
Ворон по полю плавает, каркая.
Свет-заря помутилася жаркая.
Месяц встал на полночный дозор.
Ой, не спит Святогор, – притворяется!
Конь легонько копытом касается
До плеча в золоченой резьбе:
«Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
Мне ль Ивана носить на себе?»
В чистом поле, у камня Алáтыря,
Светит месяц по шлему богáтыря:
Принял божию смерть Святогор.
Конь вздыхает, ревет по-звериному:
Он служил господину единому!
А Иван распахнул бел шатер:
Он ползет по росе, подкрадывается,
Он татаринoм диким гоняется,
Он за гриву хватает коня.
Ночь за ночью идет, ворон каркает,
Ветром конь вокруг Алáтыря шаркает,
Стременами пустыми звеня.
Анакапри, 8.III.13
ЗАВЕТ СААДИ

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь
Стволом кипариса, прямым и простым – благородным.
Трапезонд, VI.13
ДЕДУШКА

Дедушка ест грушу на лежанке,
Деснами кусает спелый плод.
Поднял плеч костлявые останки
И втянул в них череп, как урод.
Глазки – что коринки, со звериной
Пустотой и грустью. Все забыл.
Уж запасся гробовой холстиной,
Но к еде – какой-то лютый пыл.
Чует: отовсюду обступила,
Смотрит на лежанку, на кровать
Ждущая, томительная Сила...
И спешит, спешит он – дожевать.
19. VIII.13
МАЧЕХА

У меня, сироты, была мачеха злая.

В избу пустую ночью пришла я:
В темные леса гнала меня мати
Жито сырое молотъ, просевати.
Много смолола я – куры не пели,
Слышу – дверные крюки заскрипели,
Глянула – вижу железные роги,
Черную Мати, косматые ноги.
Брала меня Мати за правую руку,
Вела меня Мати к венцу да на муку,
За темные леса, за синие боры,
За быстрые реки, за белые горы.
Ой, да я леса прошла со свечами,
В плынь я плыла по рекам со слезами,
В трубы по белым горам я трубила:
Слушайте, людя, кого я любила!

20. VIII.13

ОТРАВА

Свекровь-госпожа в терему до полден заспалась:
Спи, рѳдная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я в бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладком корню развела.
И черен и смолен зеленый за теремом бор.
Сынок твой воротится, сыщет под лавкой топор:
«Сынок, не буди меня: клонит старуху ко сну.
Сруби мне два дерева – ель да рудую сосну».
– Ин, ель на постель, а сосну? – «А ее на кровать:
На бархате смольном в гробу золотом почивать,
На хвое примятой княгиню положите вы,
С болотною мятой округ восковой головы...»
Уж как же я буду за церковью выть, голосить!
Уж как же я выйду наране покосы косить!
В коралл, в костенику я косы свои уберу,
Шальнойю и дикой завьюсь, замотаюсь в бору!

20. VIII.13

МУШКЕТ

Видел сон Мушкет:
Видел он азовские подолья,
На бурьяне, на татарках – алый цвет,
А в бурьяне – ржавых копий колья.
Черт повил в жгуты,
Засушил в крови казачьи чубы.
Эх, Мушкет! А что же делал ты?
Видишь ли оскаленные зубы?
Твой крестовый брат
В Цареграде был посажен на кол.
Брат зовет Мушкета в Цареград –
И Мушкет проснулся и заплакал.
Встал, жену убил,
Сонных зарубил своих малюток,
И пошел в туретчину, и был
В Цареграде через сорок суток.
И турецкий хан
Отрубил ему башку седую,
И швырнули ту башку в лиман,
И плыла она, качаясь, в даль морскую.
И глядела в высь, –
К господу глаза ее глядели.
И господь ответил: «Не журись,
Не тужи, Мушкет, – попы тебя отпели».

VIII.13

ВЕНЕЦИЯ

Восемь лет в Венеции я не был..
Всякий раз, когда вокзал минуешь
И на пристань выйдешь, удивляет
Тишина Венеции, пьянеешь

От морского воздуха каналов.
Эти лодки, барки, маслянистый
Блеск воды, огнями озаренной,
А за нею низкий ряд фасадов
Как бы из слоновой грязной кости,
А над ними синий южный вечер,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкою, лиловой, –
Радостно все это было видеть!
Восемь лет... Я спал в давно знакомой
Низкой, старой комнате, под белым
Потолком, расписанным цветами.
Утром слышу, – колокол: и звонко
И певуче, но не к нам зовет
Этот чистый одинокий голос,
Голос давней жизни, от которой
Только красота одна осталась!
Утром косо розовое солнце
Заглянуло в узкий переулок,
Озаряя отблеском от дома,
От стены напротив – и опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутил, увидевши над крышей,
Над бельем, что по ветру трепалось,
Облаков сиреневые клочья
В жидком, влажно-бирюзовом небе.
А потом на крышу прибежала
И белье снимала, напевая,
Девушка с раскрытой головою,
Стройная и тонкая... Я вспомнил
Капри, Грациэллу Ламартина...
Восемь лет назад я был моложе,
Но не сердцем, нет, совсем не сердцем!
В полдень, возле Марка, что казался
Патриархом Сирии и Смирны,
Солнце, улыбаясь в светлой дымке,
Перламутром розовым слепило.
Солнце пригревало стены Дожей,
Площадь и воркующих, кипящих
Сизых голубей, клевавших зерна
Под ногами щедрых форестьеров.
Все блестело – шляпы, обувь, трости,
Щурились глаза, сверкали зубы,
Женщины, весну напоминая
Светлыми нарядами, раскрыли
Шелковые зонтики, чтоб шелком
Озаряло лица... В галерее
Я сидел, спросил газету, кофе
И о чем-то думал... Тот, кто молод,
Знает, что он любит. Мы не знаем –
Целый мир мы любим... И далеко,
За каналы, за лежавший плоско
И сиявший в тусклом блеске город,
За лагуны Адрии зеленой,
В голубой простор глядел крылатый
Лев с колонны. В ясную погоду
Он на юге видит Апеннины,
А на сизом севере – тройные
Волны Альп, мерцающих над синью
Платиной горбов своих ледяных...
Вечером – туман, молочно-серый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленеют в нем огни, столбами
Фонари отбрасывают тени.
Траурно Большой канал чернеет
В россыпи огней, туманно-красных,
Марк тяжел и древен. В переулках –
Слякоть, грязь. Идут посередине, –

В опере как будто. Сладко пахнут
 Крепкие сигары. И уютно
 В светлых галереях – ярко блещут
 Их кафе, витрины. Англичане
 Покупают кружево и книжки
 С толстыми шершавыми листами,
 В переплетах с золоченой вязью,
 С грубыми застежками... За мною
 Девочка пристряла – все касалась
 До плеча рукою, улыбаясь
 Жалостно и робко: «Mi d'un so!do!» [3]
 Долго я сидел потом в таверне,
 Долго вспоминал ее прелестный
 Жаркий взгляд, лучистые ресницы
 И лохмотья... Может быть, арабка?
 Ночью, в час, я вышел. Очень сыро,
 Но тепло и мягко. На пьядетте
 Камни мокры. Нежно пахнет морем,
 Холодно и сыро вонью скользких
 Темных переулков, от канала –
 Свежестью арбуза. В светлом небе
 Над пьядеттой, против папских статуй
 На фасаде церкви – бледный месяц:
 То сияет, то за дымом тает,
 За осенней мглой, бегущей с моря.
 «Не заснул, Энрико?» – Он беззвучно,
 Медленно на лунный свет выводит
 Длинный черный катафалк гондолы,
 Чуть склоняет стан – и вырастает,
 Стоя на корме ее... Мы долго
 Плыли в узких коридорах улиц,
 Между стен высоких и тяжелых...
 В этих коридорах – баржи с лесом,
 Барки с солью: стали и ночуют.
 Под стенами – сваи и ступени,
 В плесени и слизи. Сверху – небо,
 Лента неба в мелких бледных звездах...
 В полночь спит Венеция, – быть может,
 Лишь в притонах для воров и пьяниц,
 За вокзалом, светят щели в ставнях,
 И за ними глухо слышны крики,
 Буйный хохот, споры и удары
 По столам и столикам, залитым
 Марсалай и вермутом... Есть прелесть
 В этой поздней, в этой чадной жизни
 Пьяниц, проституток и матросов!
 «Но amato, amo, Desdemona» [4], –
 Говорит Энрико, напевая,
 И, быть может, слышит эту песню
 Кто-нибудь вот в этом темном доме –
 Та душа, что любит... За оградой
 Вижу садик; в чистом небосклоне –
 Голые, прозрачные деревья,
 И стеклом блестят они, и пахнет
 Сад вином и медом... Этот винный
 Запах листьев тоньше, чем весенний!
 Молодость груба, жадна, ревнива,
 Молодость не знает счастья – видеть
 Слезы на ресницах Дездемоны,
 Любящей другого...
 Вот и светлый
 Выход в небо, в лунный блеск и воды!
 Здравствуй, небо, здравствуй, ясный месяц,
 Перелив зеркальных вод и тонкий
 Голубой туман, в котором сказкой
 Кажутся вдали дома и церкви!
 Здравствуйте, полночные просторы
 Золотого млеющего взморья

И огни чуть видного экспресса,
Золотой бегущие цепочкой
По лагунам к югу!
30. VIII.13
Теплой ночью, горною тропинкой...

Теплой ночью, горною тропинкой,
Я иду в оливковом лесу.
Вижу в небе белый, ясный месяц,
В сердце радость мирную несущу.
Свет и тень по мне проходят сетью.
Редкий лес похож на серый сад.
Над горой далекой и высокой
Две звезды полночные лежат.
Вот и дома. Белый, ясный месяц –
Против белой мазанки моей.
И всю ночь хрустальными ручьями
Звон цикад журчит среди камней.
4. IX.13
МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА

Опять знакомый дом...
Огарев.
Могильная плита, железная доска,
В густой траве растущая в землю, –
И мне печаль могил понятна и близка,
И я родным преданьям внемлю.
И я «люблю людей, которых больше нет»,
Любовью всепрощающей, сыновней.
Последний их побег, я не забыл их след
Под старой, обветшалой часовней.
Я молодым себя, в своем простом быту,
На бедном их погосте вспоминаю.
Последний их побег, под эту же плиту
Приду я лечь – и тихо лягу – с краю.
6. IX.13
ПОСЛЕ ОБЕДА

Сквозь редкий сад шумит в тумане море –
И тянет влажным холодом в окно.
Сирена на туманном косогоре
Мычит и мрачно и темно.
Лишь гимназистка с толстыми косами
Одна не спит, – одна живет иным,
Хватая жадно синими глазами
Страницу за страницей «Дым».
6. IX.13
ГОСПОДЬ СКОРБЯЩИЙ

Воззвал господь, скорбящий о Сионе,
И Ангелов Служения спросил:
«Погибли стяги, воинство и кони, –
Что сделал Царь, покорный богу Сил?»
И Ангелы Служения сказали:
«Он вретищем завесил тронный зал,
Он потушил светильники в том зале,
Он скорбь свою молчанием связал».
Воззвал господь: «И я завешу тьмою,
Как вретищем, мной созданную твердь,
Я потушу в ней солнце и сокрою
Лицо свое, да правит в мире Смерть!»
И отошел с покинутого трона
К тем тайникам, чье имя – Мистарим,
И плакал там о гибели Сиона,
Для Ангелов Служения незрим.
Капри, 10.III.14
ИАКОВ

Иаков шел в Харан и ночевал в пути,
Затем что пала ночь над той пустыней древней.
Царь говорит рабам: «Вот должен друг прийти.
Гасите все огни, – во мраке мы душевней».
Так повелел господь гасить светило дня,
Чтоб тайную вести с Иаковом беседу,
Чтоб звать его в ночи: «Восстань, бори меня –
И всей земле яви мой знак, мою победу!»
Капри, 10.III.14
МАГОМЕТ И САФИЯ

Сафия, проснувшись, заплетает ловкой
Голубой рукою пряди черных кос:
«Все меня ругают, Магомет, жидовкой», –
Говорит сквозь слезы, не стирая слез.
Магомет, с усмешкой и любовью глядя,
Отвечает кротко: «Ты скажи им, друг:
Авраам – отец мой, Моисей – мой дядя,
Магомет – супруг».
24. III.14
Плакала ночью вдова...

Плакала ночью вдова:
Нежно любила ребенка, но умер ребенок.
Плакал и старец-сосед, прижимая к глазам рукава,
Звезды светили, и плакал в закуте козленок.
Плакала мать по ночам.
Плачущий ночью к слезам побуждает другого
Звезды слезами текут с небосклона ночного,
Плачет господь, рукава прижимая к очам.
24. III.14
ТОРА

Был с богом Моисей на дикой горной круче,
У врат небес стоял как в жертвенном дыму:
Сползали по горе грохочущие тучи –
И в голосе громов бог говорил ему.
Мешалось солнце с тьмой, основы скал дрожали,
И видел Моисей, как зиждилась Она:
Из белого огня – раскрытые скрижали,
Из черного огня – святые письмена.
И стиль – незримый стиль, чертивший их узоры, –
Бог о главу вождя склоненного отер,
И в пламенном венце шел восприемник Торы
К народу своему, в свой стан и свой шатер.
Воспойте песнь ему! Он радостней и краше
Светильника Седьми пред божьим алтарем:
Не от него ль зажгли мы пламенники наши,
Ни света, ни огня не уменьшая в нем?
Рим, 24.III.14
НОВЫЙ ЗАВЕТ

С Иосифом господь беседовал в ночи,
Когда святая мать с младенцем почивала:
«Иосиф! Близок день, когда мечи
Перекуют народы на орала.
Как нищая вдова, что плачет в час ночной
О муже и ребенке, как пророки
Мой древний дом оплакали со мной,
Так проливает мир кровавых слез потоки.
Иосиф! Я расторг с жестокими завет.
Исполни в радости господнее веленье:
Встань, возвратись в мой тихий Назарет –
И всей земле яви мое благоволение».
Рим, 24.III.14
ПЕРСТЕНЬ

Рубины мрачные цвели, чернели в нем,

Внутри пурпурно-красные,
Алмазы вспыхивали розовым огнем,
Дробясь, как слезы ледяные.
Бесценными играл заветный перстень мой,
Но затаенными лучами:
Так светит и горит сокрытый полутьмой
Старинный образ в царском храме.
И долго я глядел на этот божий дар
С тоскою, смутной и тревожной,
И опускал глаза, переходя базар,
В толпе крикливой и ничтожной.
7. I.15
Москва
СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.
7. I.15
Москва
Просыпаюсь в полумраке...

Просыпаюсь в полумраке.
В занесенное окно
Смуглым золотом Исакий
Смотрит дивно и темно.
Утро сумрачное снежно,
Крест ушел в густую мглу.
За окном уютно, нежно
Жмутся голуби к стеклу.
Все мне радостно и ново:
Запах кофе, люстры свет,
Мех ковра, уют алькова
И сырой мороз газет.
17. I.15
Петербург
СВЯТОЙ ЕВСТАФИЙ

Ловец великий перед богом,
Я алчен в молодости был.
В восторге буйном, злом и строгим,
По горным долам и отрогам,
Я расточал мой ловчий пыл.
– Простите, девственные сени
языческих родимых мест.
Ты сокрушил мои колени,
Смиранный Взор, голгофский Крест.
Вот дал я волю пестрым сворам,
Узду коню: рога, рога
Летят над лиственным узором,
А я – за ними, пьян простором,
Погоней, жаждою врага.
– Простите, девственные сени,
Поющий лес, гремящий бор.
Ты сокрушил мои колени,
Голгофский Крест, смиренный Взор:
Мрак и стволы великой чащи,
Органных труб умолкший ряд,
Взор, и смиренный и грозный,
И крест из пламени, горящий
В рогах, откинутых назад.
27. VIII.15
Васильевское

ПОЭТУ

В глубоких колодцах вода холодна,
И чем холоднее, тем чище она.
Пастух нерадивый напьется из лужи
И в луже напоит отару свою,
Но добрый опустит в колодец бадью,
Веревку к веревке привяжет потуже.
Бесценный алмаз, оброненный в ночи,
Раб ищет при свете грошовой свечи,
Но зорко он смотрит по пыльным дорогам,
Он ковшиком держит сухую ладонь,
От ветра и тьмы ограждая огонь –
И знай: он с алмазом вернется к чертогам.

27. VIII.15

Васильевское
Взойди, о Ночь...

Взойди, о Ночь, на горний свой престол,
Стань в бездне бездн, от блеска звезд туманной,
Мир тишины исполни перевозданной
И сонных вод смири немой глагол.
В отверстый храм земли, небес, морей
Вновь прихожу с мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, целящею рукою,
Коснись чела, как божий иерей.
Дала судьба мне слишком щедрый дар,
Виденья дня безмерно ярки были:
Росистый хлад твоей епитрахили
Да утолит души мятежный жар.

31. VIII.15

Васильевское
НЕВЕСТА

Я косы девичьи плела,
На подоконнике сидела,
А ночь созвездьями цвела,
А море медленно шумело,
И степь дрожала в полусне
Своим таинственным журчаньем..
Кто до тебя вошел ко мне?
Кто, в эту ночь перед венчаньем,
Мне душу истомил такой
Любовью, нежностью и мукой?
Кому я отдалась с тоской
Перед последнею разлукой?
2. IX.15
Роса, при бледно-розовом огне...

Роса, при бледно-розовом огне
Далекого востока, золотится.
В степи сидит пустушка па копне.
В степи рассвет, в степи роса дымится.
День впереди, столь радостный для нас,
А сзади ночь, похожая на тучу.
Спят пастухи. Бараны сбились в кучу,
Сверкая янтарями спящих глаз.

2. IX.15

ЦЕЙЛОН

Гора Алагалла

В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни,
В болотистых низах, в долинах рек – потоп.
Слоны залезли в грязь, стоят, поднявши бивни,
Сырые хоботы закинувши на лоб.
На тучах зелень пальм – безжизненной металла,
И, тяжело заступив графитный горизонт,

Глядит из-за лесов нагая Алагалла,
Как сизый мастодонт.

10. IX.15

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Пустынник нам сказал: «Благословен господь!
Когда я изнурял бунтующую плоть,
Когда я жил в бору над Малым Танаисом,
Я так скорбел порой, что жаловался крысам,
Сбегавшимся из нор на скудный мой обед,
Да спас меня господь от вражеских побед.
И знаете ли чем, какой утехой сладкой?
Я забавлял себя своею сирой хаткой,
Я мел в горах нашел – и за год раза три
Белил ее, друзья, снаружи и внутри.
Ах, темен, темен мир, и чувствуют лишь дети,
Какая тишина и радость в белом цвете!»

10.IX.15

ОДИНОЧЕСТВО

Худая компаньонка, иностранка,
Купалась в море вечером холодным
И все ждала, что кто-нибудь увидит,
Как выбежит она, полунагая,
В трико, прилипшем к телу, из прибоя.
Потом, надев широкий балахон,
Сидела на песке и ела сливы,
А крупный пес с гремящим лаем прядал
В прибрежную сиреневую кипень
И жаркой пастью радостно кидался
На черный мяч, который с криком «hop!»
Она швыряла в воду... Загорелся
Вдали маяк лучистою звездой...
Сырел песок, взошла луна над морем,
И по волнам у берега ломался,
Сверкал зеленый глянец... На обрыве,
Что возвышался сзади, в светлом небе,
Чернела одинокая скамья...
Там постоял с раскрытой головою
Писатель, пообедавший в гостях,
Сигару покурил и, усмехнувшись,
Подумал: «Полосатое трико
Ее па зебру делало похожей».

10.IX.15

К вечеру море шумней и мутней...

К вечеру море шумней и мутней,
Парус и дальше и дымней,
Няньки по дачам разносят детей,
Ветер с Финляндии, зимний.
К морю иду – все песок да кусты,
Сосенник сине-зеленый,
С елок холодных срываю кресты,
Иглы из хвои вощеной.
Вот и скамья, и соломенный зонт,
Дальше обрыв – и туманный,
Мглисто-багровый морской горизонт,
Запад зловещий и странный.
А над обрывом все тот же гамак
С томной, капризной девицей,
Стул полотняный и с книжкой чудак,
Гнутый, в пенсне, бледнолицый.
Дремлет, качается в сетке она,
Он ей читает Бальмонта...
Запад темнеет и свищет сосна,
Тучи плывут с горизонта...

11. IX.15

ВОЙНА

От кипарисовых гробниц
Взлетела стая черных птиц, –
Тюрбэ расстреляно, разбито.
Вот грязный шелковый покров,
Кораны с оттиском подков...
Как грубо конское копыто!
Вот чей-то сад; он черен, гол –
И не о нем ли мой осел
Рыдающим томится ревом?
А я – я, прокаженный, рад
Бродить, вдыхая горький чад,
Что тает в небе бирюзовом:
Пустой, разрушенный, немой,
Отныне этот город – мой,
Мой каждый спуск и переулочек,
Мои все туфли мертвецов,
Домов руины и дворцов.
Где шум морской так свеж и гулок!
12. IX.15
ЗАСУХА В РАЮ

От пальм увядших слабы тени.
Ища воды, кричат в тоске
Среброголосые олени
И пожирают змей в песке.
В сухом лазоревом тумане
Очерчен солнца алый круг,
И сам творец сжимает длани,
Таит тревогу и испуг.
12. IX.15
У нубийских черных хижин...

У нубийских черных хижин
Мы в пути коней поили.
Вечер теплый, тихий, темный
Чуть светил шафраном в Ниле.
У нубийских черных хижин
Кто-то пел, томясь бесстрастно:
«Я тоскую, я печальна
Оттого, что я прекрасна...»
Мыши реяли, дрожали,
Буйвол спал в прибрежном иле,
Пахло горьким дымом хижин,
Чуть светили звезды в Ниле.
12. IX.15
В жарком золоте заката Пирамиды

В жарком золоте заката Пирамиды,
Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам,
Шелком в воду светят парусные лодки
И бежит луксорский белый пароход.
Это час, когда за Нилом пальмы четки,
И в Каире блещут стекла алым глянцем,
И хедив в ландо катается, и гиды
По кофейням отдыхают от господ.
А сиреневые дали Нила к югу,
К дикой Нубии, к Порогам, смутны, зыбки
И все так же миру чужды, заповедны,
Как при Хуфу, при Камбизе... Я привез
Лук оттуда и колчан зелено-медный,
Щит из кожи бегемота, дротик гибкий,
Мех пантеры и суданскую кольчугу,
Но на что все это мне – вопрос.
13. IX.15
Что ты мутный, светел-месяц?..

Что ты мутный, светел-месяц?

Что ты низко в небе ходишь,
Не по-прежнему сияешь
На серебряные снега?
Не впервой мне, месяц, видеть,
Что окно ее высоко,
Что краснеет там лампадка
За шелковой занавеской.
Не впервой я ворочаюсь
Из кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу от скуки
Под Кремлем с блаженным Ваней.
И когда он спит – дивуюсь!
А ведь кволый да и голый...
Все смеется, все бормочет,
Что башка моя на плахе
Так-то весело подскочит!

13. IX.15

Васильевское

КАЗНЬ

Туманно утро красное, туманно,
Да все светлей, белее на восходе,
За темными, за синими лесами,
За дымными болотами, лугами...
Вставайте, подымайтесь, псковичи!
Роса дождем легла на пыль,
На крыши изб, на торг пустой,
На золото церковных глав,
На мой помост средь площади...
Точите нож, мочите солью кнут!
Туманно солнце красное, туманно,
Кровавое не светит и не греет
Над мутными, над белыми лесами,
Над росными болотами, лугами...
Орите позвончее, бирючи!

– Давай, мужик, лицо умыть,
Сапог обуть, кафтан надеть.
Веди меня, вали под нож
В единый мах – не то держись:
Зубами всех заем, не оторвут!

13. IX.15

ШЕСТИКРЫЛЫЙ

Мозаика в Московском соборе

Алел ты в зареве Батыя –
И потемнел твой жуткий взор.
Ты крылья рыже-золотые
В священном трепете простер.
Узрел ты Грозного юрода
Монашеский истертый шлык –
И навсегда в изгибах свода
Застыл твой большеглазый лик.

14. IX.15

ПАРУС

Звездами вышит парус мой,
Высокий, белый и тугой,
Лик богоматери меж них
Сияет, благостен и тих.
И что мне в том, что берега
Уже уходят от меня!
Душа полна, душа строга –
И тонко светятся рога
Младой луны в закате дня.

14. IX.15

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

По лесам бежала божья мать,
Куньей шубкой запахнув младенца.
Стлалось в небе божье полотенце,
Чтобы ей не сбиться, не плутать.
Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи и эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустам сверкали без числа.
Две седых медведицы в лугу
На дыбах боролись в яркой злобе,
Грызлись, бились и мотались обе,
Тяжело топтались на снегу.
А в дремучих зарослях, впотьмах,
Жались, табунились и дрожали,
Белым паром из ветвей дышали
Звери с бородами и в рогах.
И огнем вставал за лесом меч
Ангела, летевшего к Сиону,
К золотому Иродову трону,
Чтоб главу на Ироде отсечь.

21. X.15

СКАЗКА О КОЗЕ

Это волчьи глаза или звезды – в стволах на краю перелеска?

Полночь, поздняя осень, мороз.
Голый дуб надо мной весь трепещет от звездного блеска,
Под ногою сухое хрустит серебро.
Затвердели, как камень, тропинки, за лето набитые.
Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней коза!
Расцветают, горят на железном морозе несытые
Волчьи, божьи глаза.

29. X.15

Васильевское

СВЯТИТЕЛЬ

Твой гроб, дубовая колода,
Стоял открытый, и к нему
Все шли и шли толпы народа
В душистом голубом дыму.
А на доске, тяжелой, черной,
Был смуглый золотой оклад,
Блистал твой образ чудотворный
В огнях малиновых лампад.
И, осеняя мир десницей
И в шуйцу взяв завет Христа,
Как горько ты, о темнолицый,
Иссохшие смыкал уста!

29. X.15

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.
Москва, 1915
ЗАЗИМОК

Сивером на холоде
Обжигает желуди,
Листья и кору.
Свищет роща ржавая,
Жесткая, корявая,
В поле на юру.

Ходят тучи с ношею,
Мерзлую порошею
Стало чаще дуть,
Серебрятся озими –
Скоро под полозьями
Задымится путь,
Заиграет вьюгою,
И листву муругую
Понесет смелей
По простору вольному,
Гулу колокольному
Стонуших полей!
29. X.15
Пустыня в тусклом, жарком свете...

Пустыня в тусклом, жарком свете.
За нею – розовая мгла.
Там минареты и мечети,
Их росписные купола.
Там шум реки, базар под сводом,
Сон переулков, тень садов –
И, засыхая, пахнут медом
На кровлях лепестки цветов.
30. X.15
АЛЕНУШКА

Аленушка в лесу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячие,
Блескучие, стоячие,
Мала, мала Аленушка,
А пьет с отцом – до донушка.
Пошла она в леса гулять,
Дружка искать, в кустах вилять,
Да кто ж в лесу встречается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Безделием измучилась,
Зажгла она большой костер,
А в сушь огонь куда востер!
Сожгла леса Аленушка
На тыщу верст, до пенушка,
И где сама девалася –
Доныне не узналося!
ИРИСА

Светло в светлице от окна,
Красавице не спится.
За черным деревом луна,
Как зеркальце, дробится.
Комар тоскует в полутьме,
В пуху лебяжьем знойно,
А что порою на уме –
И молвить непристойно.
Ириса дышит горячо,
Встает... А ножки босы,
Открыто белое плечо,
Смолой чернеют косы.
Ступает на ковер она
И на софу садится...
За черным деревом луна,
Склоняясь, золотится.
СКОМОРОХИ

Веселые скоморохи,
Люди сметливые,
Поломайтесь, позабавьте
Свет боярина!

Скучно ему во палате!
Днем он выпался,
Шашки, сказки да побаски
Уж приелися.
На лежаночке в павлинах
Сел он, батюшка,
В желтом стеганом халате,
В ярь-мурмулочке.
Шибче, шибче, скоморохи!
Ишь как ожил он!
Глаза узкие, косые
Засветились,
Все лицо его тугое
Смехом сморщилось,
Корешки зубов из рта
Зачернелись...
Ах, недаром вы, собаки,
Виды видывали!
Шибче, шибче! Чтоб соседи
Нам завидовали!
МАЛАЙСКАЯ ПЕСНЯ

L'eclair vibre sa fleche...[5]
L. de Lisle
Чернеет зыбкий горизонт,
Над белым блеском острых волн
Змеится молний быстрый блеск
И бьет прибой мой узкий челн.
Сырой и теплый ураган
Проносится в сыром лесу,
И сыплет изумрудный лес
Свою жемчужную красу.
Стою у хижины твоей:
Ты на циновке голубой,
На скользких лыках сладко спишь,
И ветер веет над тобой.
Ты спишь с улыбкой, мой цветок.
Пустая хижина твоя,
В ненастный вечер, на ветру,
Благоухает от тебя.
Ресницы смольные смежив,
Закрывши длинные глаза,
Окутав бедра кисеей,
Ты изогнулась, как лоза.
Мала твоя тугая грудь,
И кожа смуглая гладка,
И влажная нежна ладонь,
И крепкая круглая рука.
И золотые позвонки
Висят на щиколках твоих,
Янтарных, твердых, как кокос,
И сон твой беззаботный тих.
Но черен, черен горизонт!
Зловеще грому вторит гром,
Темнеет лес, и океан
Сверкает острым серебром.
Твои уста – пчелиный мед,
Твой смех счастливый – щебет птяц,
Но, женщина, люби лишь раз,
Не поднимай для всех ресниц!
Ты легче лани на бегу,
Но вот на лань, из тростников,
Метнулся розовый огонь
Двух желтых суженных зрачков:
О женщина! Люби лишь раз!
Твой смех лукав и лгал твой рот –
Клинок мой медный раскален
В моей руке – и метко бьет.

Вот пьяные твои глаза,
Вот побелевшие уста.
Вздувает буря парус мой,
Во мраке вьется блеск холста.
Клинком я голову отсек
В единый взмах от шеи прочь,
Косою к мачте привязал –
И снова в путь, во мрак и ночь.
Раскалывает небо гром –
И озаряет надо мной
По мачте льющуюся кровь
И лик, качаемый волной.
23. I.16
СВЯТОГОР И ИЛЬЯ

На гривастых конях на косматых,
На золотых стремянах на разлтых,
Едут братья, меньшей и старшой,
Едут сутки, и двое, и трое,
Видят в поле корыто простое,
Наезжают – ан гроб, да большой:
Гроб глубокий, из дуба долбленный,
С черной крышей, тяжелой, томленной,
Вот и поднял ее Святогор,
Лег, накрылся и шутит: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на божий простор!»
Обнял крышу Илья, усмехнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинул кверху... Да нет, погоди!
«Ты мечом!» – слышен голос из гроба.
Он за меч, – занимается злоба,
Загорается сердце в груди, –
Но и меч не берет: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов,
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков!
Кинул биться Илья – божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу... Отняла
Русской силы Земля половину:
Выезжай на иную путину.
На иные дела!
23. I.16
СВЯТОЙ ПРОКОПИЙ

Бысть некая зима
Всех зим иных лютейша паче.
Бысть нестерпимый мраз и бурный ветер,
И снег спаде на землю превеликий,
И храмины засыпа, и не токмо
В путех, но и во граде померзаху
Скоты и человецы без числа,
И птицы мертвы падаху на кровли.
Бысть в оны дни:
Святой своим наготствующим телом
От той зимы безмерно пострада.
Единожды он ноцию прииде
Ко храминам убогих и хоте
Согреться у них; но, ощутивше
Приход его, инии затворяху
Дверь перед ним, инии же его
Бияху и кричаще: – Прочь отсюда,
Отыде прочь, Юроде! – Он в угле
Псов обрете на снеге и соломе,
И ляже посреде их, но бегоша

Те пси его. И возвратися паки
Святыи в притвор церковный и седе,
Согнуся и трясыися и отчаяв
Спасение себе. – Благословенно
Господне имя! Пси и человецы –
Единое в свирепстве и уме.

23. I.16

СОН ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ РОСТОВСКОГО

Изрину князя из церкви соборныя в полночь...

Летопись

Сон лютыи снился мне: в полночь, в соборном храме,
Из древней усыпальницы княжой,
Шли смерды-мертвецы с дымящими свечами,
Гранитный гроб несли, тяжелый и большой.
Я поднял жезл, я крикнул: «В доме бога
Владыка – я! Презренный род, стоять!»
Они идут... Глаза горят... Их много..
И ни один не обратился вспять.

23. I.16

МАТФЕЙ ПРОЗОРЛИВЫЙ

Матфей

Ночь и могильный мрак пещеры..
Бушует буря на реке,
Шумят леса... Кто это серый
Вход заслоняет вдалеке?
Опять ты, низкий искуситель?
Дьявол

я, прозорливец, снова я!
Черней трубы твоя обитель,
Да ты ведь зорок, как змея, –
Тотчас заметишь!
Матфей

Гнус презренный,
Тебе ль смеяться? Нет лютей
Врага для вас во всей вселенной,
Чем я, низайший из людей.
Дьявол

Ах, прозорливец! Этим людям
Ты враг не менее, чем нам.
Давай уж лучше вместе будем
Ходить за ними по пятам.
Ты мастер зреть их помышленья,
Внедряться в тайну их сердец,
Не вовсе чужд, святой отец,
И я порядочного зренья:
Зачем же бесам враждовать?
Ты разве хуже бес, чем все мы?
Матфей

Молчи, завистливая тать,
Тебе пути мои неведомы.
Дьявол

Ну да, уж где мне! Ты пророк!
Ты разрушаешь наши козни,
Ты топчешь семя зла и розни,
Ты крепко правишь свой оброк!
Ты и стокий и стоухий!
Спроси тебя: «Ты почему
Исследуешь так жадно тьму?» –
Ты тотчас скажешь: «Там, как мухи,
Как червь на падали, кишат

Исчадия земли и ада –
я не могу терпеть их смрада,
я на борьбу спускаюсь в ад».
О ненасытная в гордыне
и беспощадная душа!
Нет в мире для тебя святыни,
Нет заповедного ковша,
Нет сокровенного потока:
Во всех ключах ты воду пил
И все хулил: «Вот в этом ил,
А в том – гниющая осока...»
Матфей

Что отвечать мне твари сей,
Столь непотребной, скудоумной?
Мой скорбный рок, мой подвиг трудный
Он мерит мерою своей.
И тьма и хлад в моей пещере...
Одежды ветхи... Сплю в гробу...
О боже! Дай опору вере
И укрепи мя на борьбу!
24. I.16
КНЯЗЬ ВСЕСЛАВ

Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на княжьем месте:
Лишь копьем дотронулся Стола.
Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает темный князь Всеслав?
Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! – Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нем, и церкви, и снега...
Далеко до света, – чуть сереют
Мерзлые окошечки... Но вот
Слышит князь: опять зовут и млеют
Звоны как бы ангельских высот!
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грезе... Чтó года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.
24. I.16
Мне вечер, младой...

Мне вечер, младой, скучен терем был,
Темен свет-ночник, страшен Спасов лик.
Вотчим-батюшка самоцвет укрыл
В кипарисовый дорогой тайник!
А любезный друг далеко, в торгу,
Похваляется для другой конем,
Шубу длинную волочит в снегу,
Светит ей огнем, золотым перстнем.
24. I.16
Ты, светлая ночь, полнолунная высь!..

Ты, светлая ночь, полнолунная высь!
Подайся, засов, – распахнись,
Тяжелая дверь, на морозный простор,
На белый сияющий двор!
Ты, звонкая ночь, сребролунная даль!
Ах, если б не крепкая паль,

Не ржавый замок, не лихой волкодав,
Не батюшкин ласковый нрав!

24. I.16

БОГОМ РАЗЛУЧЕННЫЕ

В ризы черные одели, –
И ее в свой срок отпели,
Юную княжну.
Ангел келью затворил ей,
Старец-схимник подарил ей
Саван, пелену.
Дни идут. Вдали от света
Подвиг скорбного обета
Завершен княжной.
Вот она в соборе, в раке,
При лампадах, в полумраке,
В тишине ночной.
Смутны своды золотые,
Тайно воинства святые
Светят на стенах,
И стоит, у кипарисной
Дивной раки, с рукописной
Книгою, монах.
Синий бархат гробно вышит
Серебром... Она не дышит,
Лик ее сокрыт...
Но бледнеет он, читая,
И скользит слеза, блистая,
Вдоль сухих ланит.

25. I.16

КАДИЛЬНИЦА

В горах Сицилии, в монастыре забытом,
По храму темному, по выщербленным плитам,
В разрушенный алтарь пастух меня привел,
И увидал я там: стоит нагой престол,
А перед ним, в пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давным-давно пустая,
Лежит кадиланица – вся черная внутри
От угля и смолы, пылавших в ней когда-то...
Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

25. I.16

Когда-то, над тяжелой баркой...

Когда-то, над тяжелой баркой
С широкодонною кормой,
Немало дней в лазури яркой
Качались снасти надо мной...
Пора, пора мне кинуть сушу,
Вздыхнуть свободней и полней –
И вновь крестить нагую душу
В купели неба и морей!

25. I.16

ДУРМАН

Дурману девочка наелась,
Тошнит, головка разболелась,
Пылают щечки, клонит в сон.
Но сердцу сладко, сладко, сладко:
Все непонятно, все загадка,
Какой-то звон со всех сторон:
Не видя, видит взор иное,
Чудесное и неземное,
Не слыша, ясно ловит слух
Восторг гармонии небесной –
И невесомой, бестелесной
Ее довел домой пастух.

Наутро гробик сколотили.
Над ним попели, покадили,
Мать порыдала... И отец
Прикрыл его тесовой крышкой
И на погост отнес под мышкой...
Ужели сказочке конец?
30. I.16
СОН

По снежной поляне,
При мглистой и быстрой луне,
В безлюдной, немой стороне,
Несут меня сани.
Лежу, как мертвец,
Возница мой гонит и воет,
И лик свой то кажет, то кроет
Небесный беглец.
И мчатся олени,
Глубоко и жарко дыша,
В далекие тундры спеша,
И мчатся их тени –
Туда, где конец
Страны этой бедной, суровой,
Где блещет алмазной подковой
Полярный Венец, –
И мерзлый кочкарник
Визжит и стучит подо мной,
И бог озаряет луной
Снега и кустарник.
30. I.16
ЦИРЦЕЯ

На треножник богиня садится:
Бледно-рыжее золото кос,
Зелень глаз и аттический нос –
В медном зеркале все отразится.
Тонко бархатом риса покрыт
Нежный лик, розовато-телесный,
Каплей нектара, влагой небесной,
Блещут серьги, скользя вдоль ланит.
И Улисс говорит: «"О, Цирцея! [6]
Все прекрасно в тебе: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сияющий локоть, и шея!»
А богиня с улыбкой: «Улисс!
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушком апельсинным меж ними,
По спине убегающим вниз!»
31. I.16
На Альпы к сумеркам нисходят облака...

На Альпы к сумеркам нисходят облака.
Все мокро, холодно. Зеленая река
Стремит свой шумный бег по черному ущелью
К морским крутым волнам, гудящим на песке,
И зоркие огни краснеют вдалеке,
Во тьме от Альп и туч, под горной цитаделью.
31. I.16
Лиман песком от моря отделен...

Лиман песком от моря отделен.
Когда садится солнце за Лиманом,
Песок бывает ярко позлащен.
Он весь в рыбалках. Белым караваном
Стоят они на грани вод, на той,
Откуда веет ветром, океаном.
В лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чернеет синью вороненой

Из-за косы песчано-золотой.
И вот я слышу ропот отдаленный:
Навстречу крепкой свежести воды,
Вдыхая ветер, вольный и соленый,
Вдруг зашумели белые ряды
И стоя машут длинными крылами..
Земля, земля! Несчетные следы
Я на тебе оставил. Я годами
Блуждал в твоих пустынях и морях.
Я мерил неустанными стопами
Твой всюду дорогой для сердца прах:
Но нет, вовек не утолю я муки –
Любви к тебе! Как чайки на песках,
Опять вперед я стираю руки:
6 февраля 1916
СИРОККО

Гул бури за горой и грохот отдаленных
Полуночных зыбей, бушующих в бреду.
Звон, непрерывный звон кузнечиков бессонных,
И мутный лунный свет в оливковом саду.
Как фосфор, светляки мерцают под ногами;
На тусклой блеске волн, облитых серебром,
Ныряет гробом челн... Господь смешался с нами
И мчит куда-то мир в восторге бредовом.
10 февраля 1916
ЗЕРКАЛО

Темнеет зимний день, спокойствие и мрак
Нисходят на душу – и все, что отражалось,
Что было в зеркале, померкло, потерялось..
Вот так и смерть, да, может быть, вот так.
В могильной темноте одна моя сигара
Краснеет огоньком, как дивный самоцвет:
Погаснет и она, развеется и след
Ее душистого и тонкого угара.
Кто это заиграл? Чьи милые персты,
Чьи кольца яркие вдоль клавиш побежали?
Душа моя полна восторга и печали –
Я не боюсь могильной темноты.
10 февраля 1916
МУЛЫ

Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых,
Ненастный день темнел и ночь была близка, –
Грядой далеких гор, молочно-синеватых,
На грани мертвых вод лежали облака.
Я с острова глядел на море и на тучи,
Остановясь в пути, – и горный путь, виясь
В обрыве сизых скал, белел по дикой круче,
Где шли и шли они, под ношею клонясь.
И звук их бубенцов, размеренный, печальный,
Мне говорил о том, что я в стране чужой,
И душу той страны, глухой, патриархальной,
Далёкой для меня, я постигал душой.
Вот так же шли они при цезарях, при Реме,
И так же день темнел, и вдоль скалистых круч
Лепился городок, сырой, забытый всеми,
И человек скорбел под сводом хмурых туч.
10 февраля 1916
МИНЬОНА

В горах, от снега побелевших,
Туманно к вечеру синевших,
Тащила на спине осла
Вязанка сучьев почерневших,
А я, в лохмотьях, следом шла.
Вдруг сзади крик – и вижу: сзади

Несется с гулом, полный клади,
На дышле с фонарем, дормез;
Едва метнулась я к ограде,
Как он, мелькнув, уже исчез.
В седых мехах, высок и строен,
Прекрасен, царственно спокоен
Был путешественник... Меня ль,
Босой и нищей, он достоин
И как ему меня не жаль!
Вот сплю в лачуге закопченной,
А он сравнит меня с мадонной,
С лучом небесного огня,
Он назовет меня Миньоной
И влюбит целый мир в меня.
12 февраля 1916
В ГОРАХ

Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий скат.
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,
Пастушеский костер и горький запах дыма!
Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!»—
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.
Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше — я поэт.
Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нем нет!
12 февраля 1916
СТОЙ, СОЛНЦЕ!

Летят, блестя мелькающие спицы,
Тоскую и дрожу,
А все вперед с летящей колесницы,
А все вперед гляжу.
Что впереди? Обрыв, провал, пучина,
Кровавый свет зари...
О, если б власть и властный крик Навина:
«Стой, солнце! Стой, замри!»
13 февраля 1916
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Над чернотой твоих пучин
Горели дивные светила,
И тяжко зыбь твоя ходила,
Взрывая огонь беззвучных мин.
Она глаза слепила нам,
И мы бледнели в быстром свете,
И сине-огненные сети
Текли по медленным волнам.
И снова, шумен и глубок,
Ты восставал и загорался —
И от звезды к звезде шатался
Великой тростью зыбкий фок.
За валом встречный вал бежал
С дыханьем пламенным муссона,
И хвост алмазный Скорпиона
Над чернотой твоей дрожал.
13 февраля 1916
Солнце полночное, тени лиловые...

Солнце полночное, тени лиловые
В желтых ухабах тяжелых зыбей.
Солнце не греет — на лица суровые
Падает светом холодных лучей.

Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто – до полюса. В блеске морском
Легкою мглой убегают святители –
Три мужичка-старичка босиком.
7 апреля 1916
МОЛОДОСТЬ

В сухом лесу стреляет длинный кнут,
В кустарнике трещат коровы,
И синие подснежники цветут,
И под ногами лист шуршит дубовый.
И ходят дождевые облака,
И свежим ветром в сером поле дует,
И сердце в тайной радости тоскует,
Что жизнь, как степь, пуста и велика.
7 апреля 1916
АЛЕНУШКА

Аленушка в лесу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячие,
Блескучие, стоячие.
Мала, мала Аленушка,
А пьет с отцом – до донушка.
Пошла она в леса гулять,
Дружка искать, в кустах вилять,
Да кто ж в лесу встречается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Безделием измучилась,
Зажгла она большой костер,
А в сушь огонь куда востер!
Сожгла леса Аленушка
На тыщу верст, до пёнушка,
И где сама девалась –
Доныне не узналося!
20 июня 1916
В ОРДЕ

За степью, в приволжских песках,
Широкое, алое солнце тонуло.
Ребенок уснул у тебя на руках,
Ты вышла из душной кибитки, взглянула
На кровь, что в зеркальные соли текла,
На солнце, лежавшее точно на блюде, –
И сладкой отрадой степного, сухого тепла
Подуло в лицо твое, в потные смуглые груди.
Великий был стан за тобой:
Скрипели колеса, верблюды ревели,
Костры, разгораясь, в дыму пламенели
И пыль поднималась багровою тьмой.
Ты, девочка, тихая сердцем и взором,
Ты знала ль в тот вечер, садясь на песок,
Что сонный ребенок, державший твой темный сосок,
Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его, – что не надо мне рая,
Христа, Галилеи и лилий ее полевых,
Что я не смиреннее их –
Аттилы, Тимура, Мамаю,
Что я их достоин, когда,
Наскучив таиться за ложью,
Рву древнюю хартию божью,
Насилую, режу, и граблю, и жгу города?
Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце в песках потонуло.
Ты скучно в померкшее небо взглянула

И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза..
Несметною ратью чернели воза,
В синющей ночи прохладой и горечью дуло.
27 июня 1916
МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

То не красный голубь метнулся
Темной ночью над черной горою –
В черной туче метнулась зарница,
Осветила плетни и хаты,
Громом гремит далеким.
– Ваша королевская милость, –
Говорит королю Елена.
А король на коня садится,
Пробует, крепки ль подпруги,
И лица Елены не видит, –
Ваша королевская милость,
Пожалейте ваше королевство,
Не ездите ночью в горы:
Вражий стан, ваша милость, близко.
Король молчит, ни слова,
Пробует, крепко ли стремя.
– Ваша королевская милость, –
Говорит королю Елена, –
Пожалейте детей своих малых,
Молодую жену пожалейте,
Жениха моего пошлите! –
Король в ответ ей ни слова,
Разбирает в темноте поводья,
Смотрит, как светит на горе зарница.
И заплакала Елена горько
И сказала королю тихо:
– Вы у нас ночевали в хате,
Ваша королевская милость,
На беду мою ночевали,
На мое великое счастье.
Побудьте еще хоть до света,
Отца моего пошлите!
Не пушки в горах грохочут –
Гром по горам ходит,
Проливной ливень в лужах плещет,
Синяя зарница освещает
Дождевые длинные иглы.
Вороненую черноту ночи,
Мокрые соломенные крыши;
Петухи поют по деревне, –
То ли спросонья, с испугу,
То ли к веселой ночи..
Король сидит на крыльце хаты.
Ах, хороша, высока Елена!
Смело шагает она по навозу.
Ловко засыпает коню корма.
27 июня 1916
ЦЕЙЛОН

Окраина земли,
Безлюдные пустынные побережья,
До полюса открытый океан..
Матара – форт голландцев. Рвы и стены,
Ворота в них... Тенистая дорога
В кокосовом лесу, среди кокосов –
Лачуги сингалесов... Справа блеск,
Горячий зной сухих песков и моря.
Мыс Дондра в старых пальмах. Тут свежей,
Муссоном сладко тянет, под верандой
Гостиницы на сваях – шум воды:
Она, крутясь, перемывает камни,
Кипит атласной пеной...

Дальше – край,
Забытый богом. Джунгли низкорослы,
Холмисты, безграничны. Белой пылью
Слепит глаза... Меняют лошадей,
Толпятся дети, нищие... И снова
Глядишь на раскаленное шоссе,
На бухты океана. Пчелоеды,
В зелено-синих перьях, отдыхают
На золотистых нитях телеграфа...
Лагуна возле Ранны – как сапфир.
Вокруг алеют розами фламинго,
По лужам дремлют буйволы. На них
Стоят, белеют цапли, и с жужжаньем
Сверкают мухи... Сверху, из листвы,
Круглят глаза большие обезьяны...
Затем опять убогое селенье,
Десяток нищих хижин. В океане,
В закатном блеске, – розовые пятна
Недвижных парусов, а сзади, в джунглях, –
Сиреневые горы... Ночью в окна
Глядит луна... А утром, в голубом
И чистом небе – коршуны браминов,
Кофейные, с фарфоровой головкой:
Следят в прибое рыбу...
Вновь дорога:
Лазоревое озеро, в кольце
Из белой соли, заросли и дебри.
Все дико и прекрасно, как в Эдеме:
Торчат шипы акаций, защищая
Узорную нежнейшую листву,
Цветами рдеют кактусы, сереют
Стволы в густых лианах... Как огонь
Пылают чаши лилии ползучей,
Тьмы мотыльков трепещут... На поляне
Лежит громада бурая: удав...
Вот медленно клубится, уползает...
Встречаются двуколки. Крыши их,
Соломенные, длинно выступают
И спереди и сзади. В круп бычков,
Запряженных в двуколки, тычут палкой:
«Мек, мек!» – кричит погонщик, весь нагой,
С прекрасным черным телом... Вот пески,
Пошли пальмиры – ходят в синем небе
Их веерные листья, – распевают
По джунглям петухи, но тонко, странно,
Как наши молодые... В высоте
Кружат орлы, трепещет зоркий сокол...
В траве перебегают грациозно
Песочники, бекасы... На деревьях
Сидят в венцах павлины... Вдруг бревном
Промчался крокодил, шлеп в воду –
И точно порохом взорвало рыбок!
Тут часто слон встречается: стоит
И дремлет на поляне, на припеке;
Есть леопард, – он лакомка, он жрет,
Когда убьет собаку, только сердце;
Есть кабаны и губачи-медведи;
Есть дикобраз, – бежит на водопой,
Подняв щетину, страшно деловито,
Угрюмо, озабоченно...
Отсюда,
От этих джунглей, этих берегов –
До полюса открыто море...
27 июня 1916
Никогда вы не воскреснете

Никогда вы не воскреснете, не встанете
Из гнилых своих гробов!

Никогда на божий лик не глянете,
Ибо нет восстанья для рабов –
Темных слуг корысти, злобы, ярости,
Мести, страха, похоти и лжи,
Тучных тел и скучной, грязной старости:
Закопали – и лежи!
27 июня 1916
В ЦИРКЕ

С застывшими в блеске зрачками,
В лазурной пустой вышине,
Упруго, качаясь, толчками
Скользила она по струне.
И скрипка таинственно пела,
И тысячи взоров впились
Туда, где мерцала, шипела
Пустая лазурная высь,
Где некая сжатая сила
Струну колебала, свистя,
Где тихо над бездной скользила
Наяда, лунатик, дитя.
28 июня 1916
БОГИНЯ

Навес кумирни, жертвенник в жасмине
И девственниц склоненных белый ряд.
Тростинки благовонные чадят
Перед хрустальной статуей богини,
Потупившей свой узкий, козий взгляд.
Лес, утро, зной. То зелень изумруда,
То хризолиты светят в хрустале.
На кованом из золота столе
Сидит она спокойная, как Будда,
Пречистая в раю и на земле.
И взгляд ее, загадочный и зыбкий,
Мерцает все бесстрастней и мертвей
Из-под косых приподнятых бровей,
И тонкою недоброю улыбкой
Чуть озарен блестящий лик у ней.
28 июня 1916
Рыжими иголками...

Рыжими иголками
Услан косогор,
Сладко пахнет елками
Жаркий летний бор.
Сядь на эту скользкую
Золотую сушь
С песенкою польскою
Про лесную глушь.
Темнота ветвистая
Над тобой висит,
Красное, лучистое,
Солнце чуть сквозит.
Дай твои ленивые
Девичьи уста,
Грусть твоя счастливая,
Песенка проста.
Сладко пахнет елками
Потаенный бор,
Скользкими иголками
Услан косогор.
30 июня 1916
Льет без конца. В лесу туман...

Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
«Ах, Боже мой!» – Лес точно пьян,

Пресыщен влагой дождевою.
В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок.
Мать на печи, – все спит она,
В сырых сенях мычит теленок.
В сторожке грусть, мушиный гуд..
– Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы яркие, как медянка?
Зачем под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?
Мычит теленок, как немой,
И клонят горестные елки
Свои зеленые иголки:
«Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!»
7 июля 1916
РУСЛАН

Гранитный крест меж сосен, на песчаном
Крутом кургане. Дальше – золотой
Горячий блеск: там море, там в стеклянном
Просторе вод – мир дивный и пустой..
А крест над кем? Да, бают, над Русланом.
И сходят наземь с седел псковичи,
Сымают с плеч тяжелые мечи
И преклоняют шлемы пред курганом,
И зоркая сорока под крестом
Качает длинным траурным хвостом.
Вдоль по песку на блеске моря скачет –
И что-то прячет, прячет..
Морской простор – в доспехе золотом.
16 июля 1916
Край без истории...

Край без истории... Все лес да лес, болота,
Трясины, заводи в ольхе и тростниках,
В столетних яворах... На дальних облаках –
Заката летнего краса и позолота,
Вокруг тепло и блеск. А на низах уж тень,
Холодный сивый дым... Стою, рублю кремень,
Курю, стираю пот... Жар стынет – остро, сыро
И пряно пахнет глушь. Невидимого клира
Тончайшие поют и ноют голоса.
Столбом толчется гнус, таинственно и слабо
Свистят в куге ужи... Вот гаснет полоса
Чуть греющих лучей, вот заквохтала жаба
В дымящейся воде... Колтунный край древлян,
Русь киевских князей, медведей, лосей, туров,
Полесье бортников и черных смолокуров –
И теплых сумерек краснеющий шафран.
16 июля 1916
ПЛОТЫ

С востока дует холодом, чернеет зыбь реки
Напротив солнца низкого и плещет на пески.
Проходит зелень бледная, на отмелях кусты,
А ей навстречу – желтые сосновые плоты.
А на плотах, что движутся с громадою реки
Напротив зыби плещущей, орут плотовщики,
Мужицким пахнет варевом, костры в дыму трещат –
И рдеет красным заревом на холоде закат.
16 июля 1916
ДЕДУШКА В МОЛОДОСТИ

Вот этот дом, сто лет тому назад,
Был полон предками моими,

И было утро, солнце, зелень, сад,
Роса, цветы, а он глядел живыми,
Сплошь темными глазами в зеркала
Богатой спальни деревенской
На свой камзол, на красоту чела,
Изысканно, с заботливостью женской
Напудрен рисом, надушен,
Меж тем как пахло жаркою крапивой
Из-под окна открытого, и звон,
Торжественный и празднично-счастливый,
Напоминал, что в должный срок
Пойдет он по аллеям, где струится
С полей нагретый солнцем ветерок
И золотистый свет дробится
В тени раскидистых берез,
Где на куртинах диких роз,
В блаженстве ослепительного блеска,
Впивают пчелы теплый мед,
Где иволга то вскрикивает резко,
То окариною поет,
А вдалеке, за валом сада,
Спешит народ, и краше всех – она,
Стройна, нарядна и скромна,
С огнем потупленного взгляда
22 июля 1916
Полночный звон степной пустыни...

Полночный звон степной пустыни,
Покой небес, тепло земли,
И горький мед сухой полыни,
И бледность звездная вдали.
Что слушает моя собака?
Вне жизни мы и вне времен.
Звенящий сон степного мрака
Самим собой заморожен.
22 июля 1916
САТУРН

Рассеянные огненные зерна
Произрастают в мире без конца.
При виде звезд душа на миг покорна:
Непостижим и вечен труд творца.
Но к полночи восходит на востоке
Мертвец Сатурн – и блещет, как свинец.
Воистину зловещи и жестоки
Твои дела, творец!
КОНЬ АФИНЫ-ПАЛЛАДЫ

Запели жрецы, распахнулись врата – восхищенный
Пал на колени народ:
Чудовищный конь[7], с расписной головой, золоченый,
В солнечном блеске грядет.
Горе тебе, Илион! Многолюдный, могучий, великий,
Горе тебе, Илион!
Ревом жрецов и народными кликами дикий
Голос Кассандры – пророческий вопль – заглушен!
22. VII. 16
ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жильё человечье
И как будто тоскуешь со мной?
За окном свет и зной, подоконники ярки,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди – и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.
Не дано тебе знать человеческой думы,

Что давно опустели поля,
что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!
26 июля 1916
МОРФЕЙ

Прекрасен твой венок из огненного мака,
Мой Гость таинственный, жилец земного мрака.
Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор,
Глядящий на меня и кротко и в упор,
Как страшен смертному безгласый час Морфея! [8]
Но сказочно цветет, во мраке пламенея,
Божественный венок, и к радостной стране
Уводит он меня, где все доступно мне,
Где нет преград земным мои м надеждам вешним,
Где снюсь я сам себе далеким и нездешним,
Где не дивит ничто – ни даже ласки той,
С кем бог нас разделил могильною чертой.
26. VII. 22
ПУГАЧ

Он сел в глуши, в шатре столетней ели.
На яркий свет, сквозь ветви и сучки,
С безумным удивлением глядели
Сверкающие золотом зрачки.
Я выстрелил. Он вздрогнул – и бесшумно
Сорвался вниз, на мох корней витых.
Но и во мху блестят, глядят безумно
Круги зрачков лучисто-золотых.
Раскинулись изломанные крылья,
Но хищный взгляд все так же дик и зол.
И сталь когтей с отчаяньем бессилья
Вонзается в ружейный скользкий ствол.
Настанет день – исчезну я..

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.
И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.
И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно
и море ровной синевой
манить в простор пустынный свой.
10 августа 1916
Ту звезду, что качалась в темной воде..

Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривою ракией в заглохшем саду, –
Огонек, до рассвета мерцавшей в пруде, –
я теперь в небесах никогда не найду.
В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
я теперь не вернусь никогда, никогда.
Едем бором, черными лесами..

Едем бором, черными лесами.
Вот гора, песчаный спуск в долину.
Вечереет. На горе пред нами
Лес щетинит новую вершину.
И темным-темно в той новой чаще,
Где опять скрывается дорога,
И враждебен мой ямщик молчащий,
и надежда в сердце лишь на Бога,

Да на бег коней нетерпеливый,
Да на этот нежный и певучий
Колокольчик, плачущий счастливо,
Что на свете все авось да случай.
9 сентября 1916
Тихой ночью поздний месяц вышел...

Тихой ночью поздний месяц вышел
Из-за черных лип.
Дверь балкона скрипнула, – я слышал
Этот легкий скрип.
В глупой ссоре мы одни не спали,
А для нас, для нас
В темноте аллеи цветы дышали
В этот сладкий час.
Нам тогда – тебе шестнадцать было,
Мне семнадцать лет,
Но ты помнишь, как ты отворила
Дверь на лунный свет?
Ты к губам платочек прижимала,
Смокшийся от слез,
Ты, рыдая и дрожа, роняла
Шпильки из волос,
У меня от нежности и боли
Разрывалась грудь...
Если б, друг мой, было в нашей воле
Эту ночь вернуть!
У ворот Сиона, над Кедром...

У ворот Сиона, над Кедром,
На бугре, ветрами обожженном,
Там, где тень бывает от стены,
Сел я как-то рядом с прокаженным,
Евшим зерна спелой белены.
Он дышал невыразимым смрадом,
Он, безумный, отравлялся ядом,
А меж тем, с улыбкой на губах,
Поводил кругом блаженным взглядом,
Бормоча: «Благословен Аллах!»
Боже милосердый, для чего ты
Дал нам страсти, думы и заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, идиоты,
Прокаженный радостнее всех.
16 сентября 1917
Мы рядом шли...

Мы рядом шли, но на меня
Уже взглянуть ты не решалась,
И в ветре мартовского дня
Пустая наша речь терялась.
Белели стужей облака
Сквозь сад, где падали капли,
Бледна была твоя щека
И, как цветы, глаза синели.
Уже полураскрытых уст
Я избегал касаться взглядом,
И был еще блаженно пуст
Тот дивный мир, где шли мы рядом.
28 сентября 1917
И цветы, и шмели, и трава, и колосья...

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –

И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.
14 июля 1918
ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!
Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок – как шелк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол – гигант, тяжелый, величавый.
Кора груба, морщиниста, красна,
Но как тепла, как солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного лета.
ЗВЕЗДА МОРЕЙ, МАРИЯ

На диких берегах Бретани
Бушуют зимние ветры.
Пустую в ветре и тумане
Рыбачьи черные дворы.
Печально поднят лик мадонны
В часовне старой. Дождь сечет,
С ее заржавленной короны
На ризу белую течет.
Единая, земному горю
Причастная! Ты, что дала
Свое святое имя Морю!
Ночь тяжела для нас была.
Огнями звездными над нами
Пылал морозный ураган.
Крутыми черными волнами
Ходил гудящий океан.
Рукой, от стужи онемелой,
Я правил парус корабля.
Но ты сама, в одежде белой,
Сошла и стала у руля.
И креп я духом, маловерный,
И в блеске звездной синевы
Туманный нимб, как отблеск серный,
Сиял округ твоей главы.
1920
ИЗГНАНИЕ

Темнеют, свищут сумерки в пустыне.
Поля и океан...
Кто утолит в пустыне, на чужбине
Боль крестных ран?
Гляжу вперед, на черное Распятье
Среди дорог –
И простирает скорбные объятья
Почивший Бог.
1920, Бретань
ПРИ СВЕЧЕ

Голубое основанье,
Золотое острие...
Вспоминаю зимний вечер,
Детство раннее мое.
Заслонив свечу рукою,
Снова вижу, как во мне
Жизнь рубиновой кровью
Нежно светит на огне.
Голубое основанье,
Золотое острие...
Сердцем помню только детство:

Все другое – не мое.

ПАХАРЬ

Легко и бледно небо голубое,
Поля в весенней дымке. Влажный пар
Врезаю я – и лезут на подвои
Пласты земли, бесценный божий дар.
По борозде спеша за сошниками,
Я оставляю мягкие следы, –
Так хорошо разутыми ногами
Ступать на бархат теплой борозды!
В лилово-синем море чернозема
Затерян я. И далеко за мной,
Где тусклый блеск лежит на кровле дома,
Струится первый зной.
ПОСЛЕ ПОЛОВОДЬЯ

Прошли дожди, апрель теплеет.
Всю ночь – туман, а поутру
Весенний воздух точно млеет
И мягкой дымкою синеет
В далеких просеках в бору.
И тихо дремлет бор зеленый.
И в серебре лесных озер –
Еще стройней его колонны,
Еще свежее сосен кроны
И нежных лиственниц узор!
РОДНИК

В глуши лесной, в глуши зеленой,
Всегда тенистой и сырой,
В крутом овраге под горой
Бьет из камней родник студеной:
Кипит, играет и спешит,
Крутясь хрустальными клубами,
И под ветвистыми дубами
Стеклом расплавленным бежит.
А небеса и лес нагорный
Глядят, задумавшись в тиши,
Как в светлой влаге гольши
Дрожат мозаикой узорной.
НА ХУТОРЕ

Свечи нагорели, долог зимний вечер..
Сел ты на лежанку, поднял тихий взгляд –
И звучит гитара удалью печальной
Песне беззаботной, старой песне в лад.
«Где ты закатилось, счастье золотое?
Кто тебя развеял по чистым полям?
Не взойти над степью солнышку с заката,
Нет пути-дороги к невозвратным дням!»
Свечи нагорели, долог зимний вечер..
Брови ты приподнял, грустен тихий взгляд..
Не судья тебе я за грехи былого!
Не воротись жизни прожитой назад!
КАНАРЕЙКА

На родине она зеленая...
Брэм
Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.
Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь, – как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!
10 мая 1921

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой –
О мщеньи, о мщеньи,
О пире кровавом для всех обойденных судьбой –
И Ты, всеблагой, Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшей черни,
Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата – на позор,
На пропятье!
29 июля 1922
СИРИУС

Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты?
Где вы, скитания полночные
В равнинах светлых и нагих,
Надежды, думы непорочные
Далеких юных лет моих?
Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою,
Забытой богом навсегда!
22 августа 1922
Зачем пленяет старая могила...

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила,
Так горестно, так нежно и светло,
Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?
25 августа 1922
В полночный час я встану и взгляну...

В полночный час я встану и взгляну
На бледную высокую луну,
И на залив под нею, и на горы,
Мерцающие снегом вдалеке...
Внизу вода чуть блещет на песке,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океан...
Познал я, как ничтожно и не ново
Пустое человеческое слово,
Познал надежд и радостей обман,
Тщету любви и терпкую разлуку
С последними, немногими, кто мил,
Кто близостью своею облегчил
Ненужную для мира боль и муку,
И эти одинокие часы

Безмолвного полуночного бденья,
Презрения к земле и отчужденья
От всей земной бессмысленной красы.
25 августа 1922
Мечты любви моей весенней...

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих
Толпились – как стада оленей
У заповедных вод речных:
Малейший звук в зеленой чаще –
И вся их чуткая краса,
Весь сон блаженный и дрожащий
Уж мчался молнией в леса!
26 августа 1922
Шепнуть заклятие при блеске

Шепнуть заклятие при блеске
Звезды падучей я успел,
Да что изменит наш удел?
Все те же топи, перелески,
Все та же полночь, дичь и глушь...
А если б даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды наших темных душ,
То что с того?
Уж нет возврата
К тому, чем жили мы когда-то,
Потерь не счесть, не позабыть,
Пощечин от солдат Пилата
Ничем не смыть – и не простить,
Как не простить ни мук, ни крови,
Ни содроганий на кресте
Всех убиенных во Христе,
Как не принять грядущей нови
В ее отвратной наготе.
28 августа 1922
ДЖОРДАНО БРУНО

«Ковчег под предводительством осла –
Вот мир людей. Живите во Вселенной.
Земля – вертеп обмана, лжи и зла.
Живите красотой неизменной.
Ты, мать-земля, душе моей близка –
И далека. Люблю я смех и радость,
Но в радости моей – всегда тоска,
В тоске всегда – таинственная сладость!»
И вот он посох странника берет:
Простите, келий сумрачные своды!
Его душа, всем чуждая, живет
Теперь одним: дыханием свободы.
«Вы все рабы. Царь вашей веры – Зверь:
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь
На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы
Ни бездне бездн, ни жизни грани нет.
Мы остановим солнце Птолемея –
И вихрь миров, несметный сонм планет,
Пред нами развернется, пламенея!»
И он дерзнул на все – вплоть до небес.
Но разрушение – жажда созиданья,
И, разрушая, жаждал он чудес –
Божественной гармонии Созданья.
Глаза сияют, дерзкая мечта
В мир откровений радостных уносит.
Лишь в истине – и цель и красота.
Но тем сильнее сердце жизни просит.
«Ты, девочка! ты, с ангельским лицом,

Пощая над старой звонкой лютней!
Я мог твоим быть другом и отцом...
Но я один. Нет в мире бесприютней!
Высоко нес я стяг своей любви.
Но есть другие радости, другие:
Оледенив желания свои,
Я только твой, познание – софия!»
И вот опять он странник. И опять
Глядит он вдаль. Глаза блестят, но строго
Его лицо. Враги, вам не понять,
Что бог есть Свет. И он умрет за бога.
«Мир – бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом – жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною Душою.
Ты, с лютнею! Мечты твоих очей
Не эту ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвездия ночей!
Вы только этой Радостью дышали».
И маленький тревожный человек
С блестящим взглядом, ярким и холодным,
Идет в огонь. «Умерший в рабский век
Бессмертием венчается – в свободном!
Я умираю – ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах, презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу! –
Он мысль мою развеет по Вселенной!»
ДРЕВНИЙ ОБРАЗ

Она стоит в серебряном венце,
С закрытыми глазами. Ни кровинки
Нет в голубом младенческом лице
И ручки – как иссохшие тростинки.
За нею кипарисы на холмах,
Небесный град, лепящийся к утесу,
Под ним же Смерть: на корточках, впотьмах,
Оскалив череп, точит косу.
Но ангелы ликуют в вышине:
Бессильны, Смерть, твои угрозы!
И облака в предутреннем огне
Цветут и округляются, как розы.
25 сентября 1919–1924
ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА

«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...»
О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и Царь расторгли ныне!
Где Град Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?
Хлябь, хаос – царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.
И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад –
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.
И все ж придет, придет пора
И воскресенья и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни же Петра.
Петр значит Камень. Сын Господний
На Камени созиждет храм
И скажет: «Лишь Петру я дам
Владычество над преисподней».
28 января 1925

Только камни, пески, да нагие холмы...

Только камни, пески, да нагие холмы,
Да сквозь тучи летящая в небе луна, –
Для кого эта ночь? Только ветер, да мы,
Да крутая и злая морская волна.
Но и ветер – зачем он так мечет ее?
И она – отчего столько ярости в ней?
Ты покрепче прижмись ко мне, сердце мое!
Ты мне собственной жизни милей и родней.
Я и нашей любви никогда не пойму:
Для чего и куда увела она прочь
Нас с тобой ото всех в эту буйную ночь?
Но господь так велел – и я верю ему.
1926

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Смотрит луна на поляны лесные
И на руины собора сквозные.
В мертвом аббатстве два желтых скелета
Бродят в неподвижности лунного света:
Дама и рыцарь, склонившийся к даме
(Череп безносый и череп безглазый):
«Это сближает нас – то, что мы с вами
Оба скончались от Черной Заразы.
Я из десятого века, – решаюсь
Полюбопытствовать: вы из какого?»
И отвечает она, оскалываясь:
«Ах, как вы молоды! Я из шестого».
1947

Порой среди забот и жизненного шума

Порой среди забот и жизненного шума
Внезапно набежит мучительная дума
И гонит образ твой из горестной души,
Но только лишь останусь я в тиши,
Спокойной мыслью ничем не возмутимый,
Твой отражаю лик, желанный и любимый.
Если б только можно было

Если б только можно было
Одного себя любить,
Если б прошлое забыть, –
Все, что ты уже забыла,
Не смущал бы, не страшил
Вечный сумрак вечной ночи:
Утомившееся очи
Я бы с радостью закрыл!
Океаниды

В полдневный зной, когда на щебень,
На валуны прибрежных скал,
Кипя, встает за гребнем гребень,
Крутясь, идет за валом вал, –
Когда изгиб прибоя блещет
Зеркально-вогнутой грядой
И в нем сияет и трепещет
От гребня отблеск золотой, –
Как весел ты, о буйный хохот,
Звенящий смех Океанид, [9]
Под этот влажный шумный грохот
Летящих в пене на гранит!
Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела!
У берегов Малой Азии

Здесь царство Амазонок. Были дики
Их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные клики
И ржание купавшихся коней.
Но век наш – миг. И кто укажет ныне,
Где на пески ступала их нога?
Не ветер ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагие берега?
Давно унес, развеял ветер южный
Их голоса от этих берегов:
Давно слизал, размыл прибой жемчужный
С сырых песков следы подков:
АТЛАНТ

И долго, долго шли мы плоскогорьем,
Меж диких скал – все выше, выше, к небу,
По спутанным кустарникам, в тумане,
То закрывавшем солнце, то, как дым,
По ветру пронесившемся над нами –
И вдруг обрыв, бездонное пространство
И глубоко в пространстве – необъятный,
Туманно восходящий к горизонту
Своей воздушно-зыбкою равниной
Лилово-сизый южный Океан!
И сатана спросил, остановившись:
«Ты веришь ли в предания, в легенды?»
Еще был март, и только что мы вышли
На высший из утесов над обрывом,
Навстречу нам пахло зимней бурей,
И увидал я с горной высоты,
Что пышность южных красок в Океане
Ее дыханьем мгlistым смягчена
И что в горах, к востоку уходящих
Излучиной хребтов своих, белеют,
Сквозь тусклость отдаления, снега –
Заоблачные царственные кряжи
В холодных вечных саванах своих.
И дух спросил: «Ты веришь ли в Атланта?»
Крепясь, стоял я на скале, и ветер
Сорвать меня пытался, проносясь
С звенящим завываньем в низкорослых,
Измятых, искривленных бурей соснах,
И доносил из глубины глухой
Широкий шум, шум Вечности, протяжный
Шум дальних волн: И, как орел, впервые
Взмахнувший из родимого гнезда
Над ширью Океана, был я счастлив
И упоен твоею первозданной
Непостижимой силою, Атлант! [10]
«О да, титан, я верил, жадно верил».

Примечания

1 Тезей (Тесей) – сын афинского царя Эгея. Перед тем, как отправиться на Крит вместе с юношами и девушками, предназначенными на съедение чудовищу Минотавру, он условился с отцом, что если вернется живым, то переменит на корабле черный парус на белый. Убив Минотавра и подплывая к Афинам, он уснул и не переменял парус – увидев черный цвет, Эгей в отчаянье бросился в море. В стихотворении Бунин соединил миф о Тезее с мифами о кентавре Хироне, перенесенного богами в созвездие Кентавра, и о кентавре Нессе, отравленной кровью которого жена Геракла Деянира пропитала одежду своего мужа, что стало причиной мучительной смерти героя.

2 Гальциона (Алкиона) – дочь бога ветров Эола, супруга трихидского царя Кеика. После его гибели при кораблекрушении в отчаянии бросилась в море и бог Посейдон превратил их обоих в птиц. В поэме Овидия «Метаморфозы» (книга 11) говорится, что даже превращенные в птиц они остались верны друг другу. Когда в зимнюю пору Гальциона сидит семь дней на яйцах, морской путь безопасен: «Сторожит свои ветры, не выпуская, Эол, предоставив море внучатам».

3 «Дай мне сольдо!» (итал.)

4 «Я любил, люблю, Дездемона» (итал.).

5 Молния мечет свою стрелу... Л. де Лиль (франц.).

6 Цирцея (Кирка) – волшебница, владычица острова Эя у берегов Италии, в плену у которой целый год провел Одиссей (Улисс).

7 Конь Афины-Паллады – деревянный конь, оставленный греками у стен Трои взамен похищенного ими из Трои Палладия. Троянцы ввезли его в Трою, не подозревая, что в деревянном чреве коня находились греческие воины, которые вышли ночью и открыли ворота города своему войску. И Одиссей «победил, подкрепленный великой Палладой» («Одиссея», VIII, 520). Кассандра – троянская прорицательница, пророчествам которой никто не верил. Слова «Горе тебе, Илион! Многолюдный, могучий, великий» взяты из «Апокалипсиса».

8 Морфей – бог сновидений, сын бога сна Гипноса.

9 Океаниды – морские нимфы, дочери титана Океана.

10 Атлант (Атлас) – титан, за участие в борьбе против богов приговоренный Зевсом к тому, чтобы держать на своих плечах небесный свод.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!